M 77/223

М 77
223
стр. 1-75

П. Чаадаевъ.

Философическія Письма,

съ приложеніемъ его письма къ Шеллингу, статьи о немъ И. Гагарина (S. J.)

и отрывка изъ „Былого и Думъ“

А. И. Герцена.

Переводъ съ французскаго 2-го, 3-го и 4-го писемъ Б. П. ДЕНИКЕ подъ редакціей и съ предисловіемъ

Вл. Н. Ивановскаго.

„Философская Библіотека“,

издаваемая подъ общей редакціей приватъ-доцента Казанскаго университета

Вл. Н. Ивановскаго.

№ 8.

Цѣна 50 коп.

КАЗАНЬ.
Типографія Д. М. Іранъ. Гостинодворская ул.
1906.

М 77/923
ИО 076
801-91
4626-7

П. Чаадаевъ.

Философическія Письма,

I

съ приложеніемъ его письма къ Шеллингу, статьи о немъ И. Гагарина (S. J.)

и отрывка изъ „Былого и Думъ“

А. И. Герцена.

Переводъ съ французскаго 2-го, 3-го и 4-го писемъ Б. П. ДЕНИКЕ подъ редакціей и съ предисловіемъ

Вл. Н. Ивановскаго.

„Философская Библіотека“,

издаваемая подъ общей редакціей приватъ-доцента Казанскаго университета

Вл. Н. Ивановскаго.

№ 8.

У
Публ. и Румянцов. музеи Библіотека

КАЗАНЬ.
Типографія Д. М. Гранъ. Гостинодворская ул.
1906.

Дозволено цензурою г. Казань, 5 апрѣля 1906 г.

2007057042

„Философская Библіотека"

издаваемая подъ общей редакціей привать-доцента Казанскаго университета

Вл. Н. Иваковскаго.

Подъ общимъ названіемъ „Философской Библіотеки" я имѣю въ виду выпустить серію сначала переводныхъ, а потомъ, по мѣрѣ возможности, и оригинальныхъ книгъ и брошюръ по различнымъ отдѣламъ и вопросамъ философскихъ наукъ, понимаемыхъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. включая и вопросы изъ другихъ областей знанія, разъ они освѣщаются съ общей, философской точки зрѣнія.

Хотя названіе серіи не указываетъ на связь ея съ Казанскимъ университетомъ, тѣмъ не менѣе большая часть намѣченныхъ на первую очередь къ изданію переводовъ связана такъ или иначе съ моей преподавательской дѣятельностью въ этомъ университетѣ, въ качествѣ привать-доцента философіи: переводчики по большей части студенты или бывшіе студенты казанскаго университета. Въ высшей степени цѣнную поддержку изданіе нашло также у А. В. Васильева, нашего извѣстнаго математика-философа, передавшаго въ „Философскую Библіотеку" свой переводъ Берклеева „Трактата о началахъ человѣческаго познанія" и обѣщавшаго закончить уже начатый имъ переводъ ряда журнальныхъ статей Эрнста Маха объ основаніяхъ геометріи. Считаемъ своимъ дѣломъ выразить А. В. Васильеву искреннѣйшую признательность за его сочувствіе и поддержку нашему начинанію.

Такого рода изданія очень обычны за границей; а за послѣднее время прививаются и у насъ. Такъ, покойный привать-доцентъ московскаго унив. А. А. Токарскій издавалъ одно время „Труды психологической лабораторіи, состоящей при каѳедрѣ психіатріи въ Московскомъ университетѣ"; проф. Г. И. Челпановъ сейчасъ выпускаетъ „Тру-

ды психологической семинаріи при Кіевскомъ университетѣ"; въ Петербургѣ прив.-доцентъ В. В. Святловскій издаетъ „Труды студенческаго кружка политической экономіи", и т. д.

Такія серіи изданій даютъ естественный центръ для научныхъ и философскихъ интересовъ студентовъ, будятъ въ нихъ самодѣятельность и позволяютъ съ пользой употреблять ихъ силы и способности, безъ этого лишенныя примѣненія въ данной области. Кромѣ того, такія изданія придаютъ извѣстную прочность традиціямъ преподаванія и способствуютъ образованію научной „школы" въ данномъ культурномъ центрѣ. Такъ, на подъемъ философскихъ интересовъ въ Москвѣ имѣли огромное вліяніе изданія, начатыя подъ разными наименованіями при Московскомъ Психологическомъ Обществѣ проф. Н. Я. Гротомъ („Труды" и „Изданія" Психологическаго Общества, журналъ „Вопросы философіи и психологіи"); таково же вліяніе и той серіи переводовъ философскихъ учебниковъ и сочиненій философскихъ классиковъ, которая издается сейчасъ подъ редакціей проф. А. И. Введенскаго при Спб. Философскомъ Обществѣ.

Съ другой стороны, отъ появленія такихъ изданій выигрываетъ и читающая публика вообще, и въ частности университетское преподаваніе, получающее такимъ путемъ учебники и другія пособія для научныхъ занятій.

Въ начинаемую серію изданій войдутъ переводы и философскихъ классиковъ, и небольшихъ статей по отдѣльнымъ философскимъ вопросамъ, и общихъ обзоровъ цѣльныхъ дисциплинъ. Скажу здѣсь нѣсколько словъ о переводахъ философскихъ классиковъ. Такого рода переводы, чтобы удовлетворять требованіямъ, которыя мы можемъ къ нимъ предъявить, должны быть не простыми, механическими переложеніями съ одного языка на другой, а самостоятельной, творческой работой—нѣкотораго рода произведеніями искусства. Высокія качества стиля такихъ блестящихъ писателей, какъ Беркли, Юмъ, Шопенгауэръ, Ницше, тѣсное взаимопроникновеніе у нихъ содержанія и формы, особенности терминологіи каждаго писателя ставятъ переводчику то и дѣло задачи чисто научнаго характера, выдвигаютъ вопросы, которыхъ нельзя рѣшить безъ самостоятельнаго ученаго изслѣдованія. Одна выра-

ботка точнаго и легкаго философскаго языка можетъ составить благодарную задачу такихъ переводовъ.

Въ силу этого я глубоко убѣжденъ въ томъ, что классическія сочиненія можно и должно переводить по *многу* разъ—до тѣхъ поръ, пока не получится вполнѣ совершеннаго перевода. Многочисленность переводовъ способствуетъ болѣе глубокому изученію писателя, такъ какъ каждый переводъ открываетъ въ немъ все новыя черты, новые оттѣнки. Поэтому не только совершенно естественно то, что у насъ есть два перевода „Критики чистаго разума", но жаль, что нѣтъ еще третьяго и четвертаго переводовъ: вѣдь, напр., 1-й части Фауста Гёте существуетъ по-русски, если не ошибаюсь, около десяти переводовъ. Поэтому мы и включили въ нашу серію новые переводы уже имѣющихся на русскомъ языкѣ сочиненій Беркли и Юма.

Сначала мы предполагали вести отдѣльно серіи книжную и брошюрную; но потомъ, по соображеніямъ удобства, рѣшили такого дѣленія не дѣлать, а обозначать при каждомъ номерѣ нашей серіи число страницъ.

Серія пока не имѣетъ одного издателя; отдѣльные выпуски ея будутъ издаваться нѣсколькими лицами, изъявившими готовность содѣйствовать въ этой формѣ распространенію въ Россіи научно-философскихъ познаній. На каждомъ выпускѣ будетъ указываться фамилія его издателя.

Въ первые выпуски „Философской Библіотеки"

войдутъ слѣдующія книги и брошюры:

№ 1. РЕНЭ ДЕКАРТЪ. Начала философіи, кн. I. Переводъ съ латинскаго В. Н. Ивановскаго.

№ 2. РЕНЭ ДЕКАРТЪ. О страстяхъ души. Переводъ подъ редакціей В. Н. Ивановскаго.

№ 3. ДЖОРДЖЪ БЕРКЛИ. Трактатъ о принципахъ человѣческаго познанія. Пер. съ англ. заслуженнаго проф. Казанскаго университета А. В. Васильева. Изданіе А. В. Васильева.

№ 4. ДАВИДЪ ЮМЪ. Изслѣдованіе о человѣческомъ умѣ. Пер. съ англ. Н. А. Васильева.

№ 5. ЭРНСТЪ МАХЪ. Этюды по философіи геометріи (собраніе журнальныхъ статей). Пер. (съ разрѣшенія автора) проф. А. В. Васильева.

№ 6. МАКСЪ ФЕРВОРНЪ. Современное міровоззрѣніе и естествознаніе. Пер. съ нѣмецкаго Г. П. Денике, подъ редакціей Вл. Ивановскаго. Казань. 1906. 24 стр. Ц. 30 к. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 7. П. ЧААДАЕВЪ. Апологія сумашедшаго. Пер. съ французскаго Б. П. Денике и С. М. Юрьева подъ редакціей Вл. Ивановскаго. Съ портретомъ автора. Казань 1906. Ц. 20 к. 25 стр. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 8. П. ЧААДАЕВЪ. Философическія письма. Пер. съ французскаго 2-го, 3-го и 4-го писемъ Б. П. Денике, подъ редакціей В. Ивановскаго. Съ приложеніемъ письма Чаадаева къ Шеллингу, статьи о немъ И. Гагарина и отрывка изъ „Былого и Думъ“ **А. И. Герцена**. Казань. 1906. Ц. 50 к. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 9. КЛЕЙНПЕТЕРЪ. Теорія познанія современнаго естествоиспытанія. Перев. К. Б. Гронковскаго. Изд. К. Б. Гронковскаго.

№ 10. ВЛ. ИВАНОВСКІЙ. Что такое „позитивизмъ“?

До сихъ поръ вышли №№ 6 и 7, и печатается № 8. Склады изданій: въ книжномъ магазинѣ „Трудъ“—въ Петербургѣ и Москвѣ, въ конторѣ журнала „Вопросы философіи и психологіи“—въ Москвѣ и въ книжномъ складѣ М. В. Пирожкова. (Спб., Вас. О., угол. 2-й линіи и Большого проспекта).

Приватъ-доцентъ **Вл. Ивановскій.**

А. И. Герценъ о Чаадаевѣ

(изъ „Былого и Думъ", часть IV-ая, глава XXX-ая).

..... Письмо Чаадаева было своего рода послѣднее слово, рубежъ. Это былъ выстрѣлъ, раздавшійся въ темную ночь; тонуло-ли что и возвѣщало свою гибель, былъ-ли то сигналъ, зовъ на помощь, вѣсть объ утрѣ или о томъ, что его не будетъ все равно, надобно было проснуться. Что, кажется, значатъ два, три листа, помѣщенныхъ въ ежемѣсячномъ обозрѣніи? а между тѣмъ, такова сила рѣчи сказанной, такова мощь слова въ странѣ молчащей и не привыкшей къ независимому говору, что письмо Чаадаева потрясло всю мыслящую Россію. Оно имѣло полное право на это. Послѣ „Горе отъ ума" не было ни одного литературнаго произведенія, которое сдѣлало-бы такое сильное впечатлѣніе. Между ними -десятилѣтнее молчаніе, 14 декабря, висѣлица, каторга. Петровскій періодъ переломился съ двухъ концовъ. Пустое мѣсто, оставленное сильными людьми, сосланными въ Сибирь, не замѣщалось. Мысль томилась, работала—но еще ни до чего не доходила, говорить было опасно -да и нечего было сказать; вдругъ тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобъ спокойно сказать свое lasciate ogni speranza.

Лѣтомъ 1836 года, я спокойно сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ въ Вяткѣ, когда почтальонъ принесъ мнѣ послѣднюю книжку Телескопа. Надобно жить въ ссылкѣ и глуши, чтобъ оцѣнить, что значитъ новая книга. Я, разумѣется, бросилъ все и принялся разрѣзывать Телескопъ „Философскія письма", писанныя къ дамѣ, безъ подписи. Въ подстрочномъ замѣчаніи было сказано, что письма эти писаны русскимъ по французски, т. е. что это переводъ. Все это скорѣе предупредило меня противъ статьи, чѣмъ въ ея пользу, и я принялся читать критику и смѣсь.

Наконецъ, дошелъ чередъ и до письма. Съ второй, третьей страницы меня остановилъ печально-серьезный тонъ: отъ каждаго слова вѣяло долгимъ страданіемъ, уже охлажденнымъ, но еще озлобленнымъ. Эдакъ пишутъ только люди долго думавшіе, много думавшіе и много испытавшіе жизнью, а не теоріей... читаю далѣе -письмо ростетъ, оно становится мрачнымъ обвинительнымъ актомъ противъ Россіи, протестомъ личности, которая за все вынесенное, хочетъ высказать часть накопившагося на сердцѣ. Я раза два останавливался, чтобъ отдохнуть и дать улечься мыслямъ и чувствамъ и потомъ снова читалъ и читалъ. И это напечатано по русски неизвѣстнымъ авторомъ... я боялся, не сошелъ-ли я съ ума. Потомъ я перечитывалъ „письмо" Витбергу, потомъ С., молодому учителю вятской гимназіи, потомъ опять себѣ.

Весьма вѣроятно, что тоже самое происходило въ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, въ столицахъ и господскихъ домахъ. Имя автора я узналъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Долго оторванная отъ народа часть Россіи пострадала молча, подъ самымъ прозаическимъ, бездарнымъ, ничего не дающимъ въ замѣну игомъ. Каждый чувствовалъ гнетъ, у каждаго было *что-то* на сердцѣ и все-таки всѣ молчали; наконецъ, пришелъ человѣкъ, который по своему сказалъ *что*. Онъ сказалъ только про боль, свѣтлаго ничего нѣтъ въ его словахъ, да нѣтъ ничего и во взглядѣ. Письмо Чаадаева безжалостный крикъ боли и упрека петровской Россіи, она имѣла право на него; развѣ эта среда жалѣла, щадила автора или кого нибудь?

Разумѣется, такой голосъ долженъ былъ вызвать противъ себя оппозицію или онъ былъ-бы совершенно правъ, говоря, что прошедшее Россіи пусто, настоящее невыносимо, а будущаго для нея вовсе нѣтъ, что это „пробѣлъ разумѣнія, грозный урокъ данный народамъ—до чего отчужденіе и рабство могутъ довести". Это было покаяніе и обвиненіе; знать впередъ *чѣмъ* примириться—не дѣло раскаянія, не дѣло протеста, или сознаніе въ винѣ шутка, и искупленіе неискренно.

Но оно и не прошло такъ: на минуту всѣ, даже сонные и забитые, отпрянули, испугавшись зловѣщаго голоса. Всѣ были изумлены, большинство оскорблено, человѣкъ десять громко и горячо рукоплескали автору. Толки въ гостиныхъ предупредили мѣры правительства, накликали ихъ. Нѣмецкаго происхожденія русскій патріотъ Вигель (извѣстный не съ лицевой стороны по эпиграммѣ Пушкина) пустилъ дѣло въ ходъ.

Обозрѣніе было тотчасъ запрещено; Болдыревъ, старикъ, ректоръ московскаго университета и цензоръ былъ отставленъ; Надеждинъ, издатель, сосланъ въ Усть-Сысольскъ; Чаадаева приказано объявить *сумасшедшимъ* и обязать подпиской *ничего* не писать. Всякую субботу пріѣзжалъ къ нему докторъ и полиціймейстеръ, они свидѣтельствовали его и дѣлали донесеніе, т. е. выдавали за своей подписью *пятьдесятъ два фальшивыхъ свидѣтельства* — умно и нравственно. Наказанные разумѣется были они; Чаадаевъ съ глубокимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на эти шалости въ самомъ дѣлѣ поврежденнаго своеволья власти. Ни докторъ, ни полиціймейстеръ никогда не заикались, за чѣмъ они пріѣзжали.

Я видѣлъ Чаадаева прежде моей ссылки одинъ разъ. Это было въ самый день взятія Огарева. Я упомянулъ, что въ тотъ день у М. О. Орлова былъ обѣдъ. Всѣ гости были въ сборѣ, когда вошелъ холодно кланяясь человѣкъ, котораго оригинальная наружность, красивая и самобытно-рѣзкая, должна была каждаго остановить на себѣ. Орловъ взялъ меня за руку и представилъ, это былъ Чаадаевъ. Я мало помню объ этой первой встрѣчѣ, мнѣ было не до него; онъ былъ какъ всегда холоденъ, серьезенъ, уменъ и золъ. Послѣ обѣда Раевская, мать Орловой сказала мнѣ: „что вы такъ печальны, ахъ молодые люди, молодые люди, какіе вы нынче стали!"—„А вы думаете, сказалъ Чаадаевъ что нынче еще есть молодые люди?" вотъ все, что осталось у меня въ памяти.

Возвратившись въ Москву я сблизился съ нимъ и съ тѣхъ поръ до отъѣзда мы были съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Печальная и самобытная фигура Чаадаева рѣзко отдѣляется какимъ-то грустнымъ упрекомъ на лишнемъ и тяжеломъ фонѣ московской high life. Я любилъ смотрѣть на него середь этой мишурной знати, вѣтреныхъ сенаторовъ, сѣдыхъ повѣсъ и почетнаго ничтожества. Какъ-бы ни была густа толпа, глазъ находилъ его тотчасъ; лѣта не наказили стройнаго стана его, онъ одѣвался очень тщательно, блѣдное, нѣжное лицо его было совершенно неподвижно, когда онъ молчалъ, какъ будто изъ воску или изъ мрамора, „чело какъ черепъ голый", сѣро-голубые глаза были печальны, и съ тѣмъ вмѣстѣ имѣли что-то доброе, тонкія губы напротивъ улыбались иронически. Десять лѣтъ стоялъ онъ сложа руки гдѣ-нибудь у колонны, у дерева на бульварѣ, въ залахъ и театрахъ, въ клубѣ и воплощеннымъ veto, живой протестаціей смотрѣлъ на вихрь лицъ, безсмысленно вертѣвшихся около него, капризничалъ, дѣлался страннымъ, отчуждался отъ общества, не могъ его покинуть, потомъ сказалъ свое слово, спокойно спрятавъ, какъ пряталъ въ своихъ чертахъ страсть подъ ледяной корой. Потомъ опять умолкъ, опять является капризнымъ, недовольнымъ, раздраженнымъ, опять тяготѣлъ надъ московскимъ обществомъ и опять не покидалъ его. Старикамъ и молодымъ было не ловко съ нимъ, не по себѣ; они, Богъ знаетъ отчего, стыдились его неподвижнаго лица, его прямо смотрящаго взгляда, его печальной насмѣшки, его язвительнаго снисхожденія. Что-же заставляло ихъ принимать его, звать... и еще больше ѣздить къ нему? Вопросъ очень серьезный.

Чаадаевъ не былъ богатъ, особенно въ послѣдніе годы; онъ не былъ и знатенъ; ротмистръ въ отставкѣ съ желѣзнымъ кульмскимъ крестомъ на груди. Онъ, правда, по словамъ Пушкина, „Въ Римѣ былъ-бы Брутъ,

... въ Аѳинахъ Периклесъ,
Но здѣсь подъ гнетомъ власти царской,
Онъ только офицеръ гусарской...."

Знакомство съ нимъ могло только компрометировать человѣка въ глазахъ правительствующей полиціи. Откуда-же шло вліяніе, зачѣмъ въ его небольшомъ, скромномъ кабинетѣ, въ Старой Басманной, толпились по понедѣльникамъ „музы" англійскаго клуба, патриціи тверскаго бульвара? Зачѣмъ модныя дамы заглядывали въ келью угрюмаго мыслителя, зачѣмъ генералы, не понимающіе ничего штатскаго, считали себя обязанными явиться къ старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потомъ, перевирая какое нибудь слово Чаадаева, сказанное на ихъ-же счетъ? Зачѣмъ я встрѣчалъ у него дикаго *американца* Толстаго и дикаго генералъ-адъютанта Шипова, уничтожавшаго просвѣщеніе въ Польшѣ?

Чаадаевъ не только не дѣлалъ имъ уступокъ, но тѣснилъ ихъ и очень хорошо давалъ имъ чувствовать разстояніе между имъ и ними. [1]

[1] Чаадаевъ часто бывалъ въ англійскомъ клубѣ. Разъ какъ-то морской министръ, Меншиковъ, подошелъ къ нему со словами: „что это Петръ Яковлевичъ, старыхъ знакомыхъ не узнаете?"—„Ахъ это вы!—отвѣчалъ Чаадаевъ, дѣйствительно не узналъ. Да и что это у васъ черный воротникъ, прежде кажется былъ красный?"

Разумѣется, что люди эти ѣздили къ нему и звали на свои рауты изъ тщеславія, но до этого дѣла нѣтъ; тутъ важно невольное сознаніе, что мысль стала мощью, имѣла свое почетное мѣсто вопреки высочайшему повелѣнію.

Чаадаевъ имѣлъ свои странности, свои слабости, онъ былъ озлобленъ и избалованъ. Я не знаю общества менѣе снисходительнаго какъ московское, болѣе исключительнаго, именно по этому оно смахиваетъ на провинціальное и напоминаетъ недавность своего образованія. Отчего-же человѣку въ пятьдесятъ лѣтъ, одинокому, лишившемуся почти всѣхъ друзей, потерявшему состояніе, много жившему мыслью, часто огорченному, не имѣть своего обычая, свои причуды?

Чаадаевъ былъ адъютантомъ Васильчикова во время извѣстнаго семеновскаго дѣла. Государь находился тогда, помнится, въ Веронѣ или въ Ахенѣ на конгрессѣ. Васильчиковъ послалъ Чаадаева съ рапортомъ къ нему, и онъ какъ-то опоздалъ часомъ или двумя и пріѣхалъ позже курьера, посланнаго австрійскимъ посланникомъ Лебцельтерномъ. Государь, раздраженный дѣломъ, увлекаемый тогда окончательно въ реакцію Меттернихомъ, который съ радостью услышалъ о семеновской исторіи, очень дурно принялъ Чаадаева, бранился, сердился и потомъ опомнившись велѣлъ ему предложить званіе флигель-адъютанта; Чаадаевъ отклонилъ эту честь и просилъ одной милости отставки. Разумѣется это очень не понравилось, но отставка была дана.

Чаадаевъ не торопился въ Россію, разставшись съ золоченымъ мундиромъ, онъ принялся за науку. Умеръ Александръ I, случилось 14 декабря (отсутствіе Чаадаева спасло его отъ вѣроятнаго преслѣдованія) *), около 1830 года онъ возвратился.

Въ Германіи Чаадаевъ сблизился съ Шеллингомъ; это знакомство вѣроятно много способствовало, чтобъ навести его на мистическую философію. Она у него развилась въ революціонный католицизмъ, которому онъ остался вѣренъ на всю жизнь. Въ своемъ письмѣ онъ половину бѣдствій Россіи относитъ на счетъ греческой церкви, на счетъ ея отторженія отъ всеобъемлющаго западнаго единства.

— Да развѣ вы не знаете, что я морской министръ?

— Вы? Да я думаю вы никогда шлюпкой не управляли.

— „Не черти горшки обжигаютъ", отвѣчалъ, нѣсколько недовольный Меншиковъ.—Да развѣ на этомъ основаніи, заключилъ Чаадаевъ.

Какой-то сенаторъ сильно жаловался на то, что очень занятъ. Чѣмъ-же, спросилъ Чаадаевъ.

— Помилуйте одно чтеніе записокъ дѣлъ—и сенаторъ показалъ аршинъ отъ полу

— Да вѣдь вы ихъ не читаете.

— Нѣтъ иной разъ и очень, да потомъ все-же иногда надобно подать свое мнѣніе.

Вотъ въ этомъ я ужъ никакой надобности не вижу—замѣтилъ Чаадаевъ.

*) Теперь мы знаемъ достовѣрно, что Чаадаевъ былъ членомъ общества, изъ записокъ Якушкина.

Какъ ни странно для насъ такое мнѣніе, но не надобно забывать, что католицизмъ имѣетъ въ себѣ большую тягучесть. Лакордеръ проповѣдовалъ католическій соціализмъ, оставаясь доминиканскимъ монахомъ, ему помогалъ Шеве, оставаясь сотрудникомъ Voix de peuple. Въ сущности нео-католицизмъ не хуже реторическаго деизма, этой не-религіи и не вѣдѣнія, этой умѣренной теологіи образованныхъ мѣщанъ, „атеизма окруженнаго религіозными учрежденіями".

Если Ронге и послѣдователи Бюше еще возможны послѣ 1848 г, послѣ Фейербаха и Прудона, послѣ Пія IX и Лошеля, если одна изъ самыхъ энергическихъ партій движенія ставитъ мистическую форчуту на своемъ знамени, если до сихъ поръ есть люди какъ Мицкевичъ, какъ Красинскій, продолжающіе быть мессіанистами, то дивиться нечему, что подобное ученіе привезъ съ собою Чаадаевъ изъ Европы двадцатыхъ годовъ. Мы ее нѣсколько забыли; стоитъ вспомнить исторію Валабелы, письма леди Морганъ, записки Адріана, Байрона, Леопарди, чтобы убѣдиться что это была одна изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ исторіи. Революція оказалась несостоятельной, грубый монархизмъ съ одной стороны цинически хвастался своею властью, лукавый монархизмъ съ другой цѣломудренно прикрывался листомъ хартіи; едва только, и то изрѣдка, слышались нѣжни освобождающихся славянъ, какая нибудь энергическая рѣчь Каннинга или Ройе Колара.

Въ протестантской Германіи образовалась тогда католическая партія, Шлегель и Лео мѣняли вѣру, старый Янъ и другіе бредили о какомъ-то народномъ и демократическомъ католицизмѣ. Люди спасались отъ настоящаго въ средніе вѣка, въ мистицизмъ, читали Экартегаузена, занимались магнетизмомъ и чудесами князя Гогенло; Гюго, врагъ католицизма столько-же помогалъ его возсталовленію, какъ тогдашній Ламене, ужасавшійся бездушному индеферентизму своего вѣка.

На русскаго такой католицизмъ долженъ былъ еще сильнѣй подѣйствовать. Въ немъ было формально все то, чего не доставало въ русской жизни, оставленной на себя, сгнетенной одной матеріальной властью и ищущей путь собственнымъ чутьемъ. Строгій чинъ и гордая независимость западной церкви, ея оконченная ограниченность, ея практическія приложенія, ея безвозвратная увѣренность и мнимое снятіе всѣхъ противурѣчій своимъ высшимъ единствомъ, своей вѣчной фато-морганой, своимъ urbi et orbi, своимъ презрѣніемъ свѣтской власти, должно было легко овладѣть умомъ пылкимъ и начавшимъ свое серьезное образованіе въ совершенныхъ лѣтахъ. Когда Чаадаевъ возвратился, онъ засталъ въ Россіи другое общество и другой тонъ. Какъ молодъ я ни былъ, но я помню, какъ наглядно высшее общество пало и стало грязнѣе. Аристократическая независимость, гвардейская удаль александровскихъ временъ—все это исчезло съ 1826 годомъ.

Были иные входы, подсѣды, еще не совсѣмъ извѣстные самимъ себѣ, еще ходившіе съ раскрытой шеей à l'enfant или учившіеся по пансіонамъ и лицеямъ, были молодые литераторы, начинавшіе пробовать свои силы и свое перо, но все это еще было скрыто, и не въ

томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Чаадаевъ.

Друзья его были на каторжной работѣ; онъ сначала оставался совсѣмъ одинъ въ Москвѣ, потомъ вдвоемъ съ Пушкинымъ, наконецъ втроемъ съ Пушкинымъ и Орловымъ. Чаадаевъ показывалъ часто послѣ смерти обоихъ, два небольшіе пятна на стѣнѣ подъ спинкой дивана, тутъ они прислоняли голову!

Безмѣрно печально сличеніе двухъ посланій Пушкина къ Чаадаеву, между ними прошла не только ихъ жизнь, но цѣлая эпоха, жизнь цѣлаго поколѣнія, съ надеждой рвущагося впередъ и грубо отброшеннаго назадъ. Пушкинъ юноша говоритъ своему другу:

Товарищъ вѣрь, взойдетъ она
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна
И на обломкахъ самовластья
Напишутъ наши имена.

Но заря не взошла, а взошелъ Николай I на тронъ и Пушкинъ пишетъ:

Чаадаевъ, помнишь-ли былое?
Давно-ль съ восторгомъ молодымъ
Я мыслилъ имя роковое
Предать развалинамъ инымъ?
.. Но въ сердцѣ бурями смиренномъ,
Теперь и лѣнь и тишина
И въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнѣ дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена!

Въ мірѣ не было ничего противоположнѣе славянамъ, какъ безнадежный взглядъ Чаадаева, которымъ онъ мѣритъ русской жизни, какъ его обдуманное, выстраданное проклятіе ей, которымъ онъ замыкалъ свое печальное существованіе и существованіе цѣлаго періода русской исторіи. Онъ долженъ былъ возбудить въ нихъ сильную оппозицію, онъ горько и уныло-зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы.

„Въ Москвѣ, говаривалъ Чаадаевъ, каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ.. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; и не можетъ этотъ большой колоколъ безъ языка - гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, называющее себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое". *)

Чаадаевъ и славяне равно стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни, сфинксомъ, сіящимъ подъ солдатской шинелью и подъ полицейскимъ надзоромъ; они равно спрашивали: „Что-же изъ этого будетъ? Такъ жить невозможно: тягость и нелѣпость настоящаго очевидны, невыносимы — гдѣ-же выходъ?"

А. Герценъ.

*) Въ дополненіе къ тому, говорилъ онъ мнѣ въ присутствіи Хомякова,—они хвастаются даромъ слова, а во всемъ племени говоритъ одинъ Хомяковъ."

Отъ редактора перевода.

14-го апрѣля текущаго года исполнится 50 лѣтъ со дня смерти знаменитаго родоначальника русскаго западничества Петра Яковлевича Чаадаева.

Имя Чаадаева болѣе или менѣе извѣстно русской публикѣ: но съ сочиненіями его знакомы лишь очень и очень немногіе. До послѣдняго времени на русскомъ языкѣ изъ писаній Чаадаева существовало (въ Кетчеровскомъ переводѣ съ французскаго) лишь то знаменитое «Первое философическое письмо къ г-жѣ * *», которое вызвало въ обществѣ такую бурю и за которое Чаадаева было свыше приказано считать сумасшедшимъ. Да и это письмо было затеряно въ старомъ журналѣ въ Телескопѣ за 1836 г. Даже французское собраніе сочиненій Чаадаева, вышедшее въ Парижѣ въ 1862 г. подъ редакціей извѣстнаго П. Гагарина, ставшаго изъ русскаго князя іезуитскимъ патеромъ, составляетъ чрезвычайную рѣдкость и мало у кого имѣется.

Между тѣмъ, воззрѣнія Чаадаева въ высшей степени интересны: они знаменуютъ тотъ историческій моментъ, когда въ Россіи впервые стали слагаться цѣльныя системы философско-общественныхъ воззрѣній—притомъ не у отдѣльныхъ личностей (что встрѣчалось и раньше), а у цѣлыхъ направленій, школъ. У декабристовъ не было одного, общаго всѣмъ міросозерцанія: у нихъ было много настроенія, много порыва, объединявшаго всѣхъ: но идеологіи у отдѣльныхъ декабристовъ были очень различны, по большей части даже не совсѣмъ ясны... Крахъ 1825 г. сметаетъ эту группу общественныхъ дѣятелей: отъ нея остаются лишь нѣсколько ея отдѣльныхъ членовъ: Н. И. Тургеневъ за границей, Пушкинъ, М. Ѳ. Орловъ и П. Я. Чаадаевъ въ Москвѣ. И когда, послѣ «десятилѣтняго молчанія», подросло въ новой общественной средѣ- въ средѣ студентовъ Московскаго уни-

верситета, въ большинствѣ принадлежавшихъ уже не къ придворно-гвардейской знати, а къ среднему дворянству,—новое поколѣніе общественныхъ дѣятелей (ссылка Герцена, Огарева и другихъ въ 1833 и 34 гг., появленіе «Литературныхъ мечтаній» Бѣлинскаго въ 1835 г.),—основной вопросъ, вопросъ о томъ, что же такое русскій народъ. Россія, русское государство, быль поставленъ этому поколѣнію уцѣлѣвшимъ обломкомъ «декабрьской эпохи». Новое поколѣніе съ жаромъ принялось разрабатывать этотъ вопросъ, разбилось на группы западниковъ и славянофиловъ, а позже подготовило русскую мысль и къ переходу къ реалистическому общественному міровоззрѣнію. Періодъ западничества и славянофильства» служитъ, по моему мнѣнію, какъ бы школьнымъ возрастомъ для позднѣйшихъ прогрессивныхъ общественныхъ міровоззрѣній. Не надо забывать того, что, хотя въ этотъ періодъ русское общественное мышленіе стояло еще на «идеалистическихъ» рельсахъ, тѣмъ не менѣе именно въ эту эпоху впервые появился у насъ систематическій, сознательный *демократизмъ*, какъ отчетливая общественная идеологія. Самые вопросы, трактовавшіеся тогда: о прошломъ, настоящемъ и будущемъ русскаго *народа*, русскаго *крестьянства*, русскихъ «началъ»: общины, артели, міра и т. д.—всѣ эти вопросы выходили за предѣлы прежнихъ представленій объ исторіи, какъ о дѣлѣ «верхнихъ десяти тысячъ», и предполагали живой интересъ къ быту и судьбамъ широкихъ народныхъ массъ.

Есть два основныхъ типа общественныхъ воззрѣній. Одинъ въ основу общественныхъ явленій ставитъ, въ той или другой формѣ, *идеи*: объективно ли міровыя или собственно человѣческія; другой видитъ исходную точку въ *фактѣ*, въ реальности, какъ она создается *силой* (или комбинаціями общественныхъ силъ). Второе пониманіе, послѣднее въ новой философіи отъ Гоббза, получаетъ все болѣе и болѣе преобладанія въ послѣднее время. У насъ въ Россіи на рубежѣ этихъ двухъ періодовъ общественныхъ міровоззрѣній, не принадлежа вполнѣ ни тому ни другому, стоятъ великія имена Герцена и Бѣлинскаго (отчасти подъ вліяніемъ Герцена развивался еще М. А. Бакунинъ). Чаадаевъ принадлежитъ всецѣло къ первому типу общественныхъ мы-

слителей: онъ вездѣ ищетъ движущія идеи, осуществляющіеся принципы.

Особенно, повидимому, поразила Чаадаева мысль Шеллинга о необходимой *полярности*, антитетической двусторонности всего существующаго. И онъ всю исторію подводитъ подъ борьбу двухъ принциповъ: языческаго и христіанскаго и со всей страстностью обрушивается на все, что онъ находитъ языческаго въ общественной жизни.

Предлагая русской публикѣ «Философическія письма» Чаадаева—этотъ огромной важности общественно-историческій документъ, считаемъ нужнымъ добавить, что первое письмо напечатано здѣсь съ помѣщеннаго въ «Телескопѣ Кетчеровскаго перевода его; примѣчаніе къ заголовку письма принадлежитъ издателю «Телескопа» Надеждину. Однако, въ это письмо вставлено одно мѣсто, имѣющееся въ французскомъ подлинникѣ, но не пропущенное цензурой въ Кетчеровскомъ переводѣ. Второе, третье и четвертое письма переведены съ французскаго изъ Oeuvres de P. Tchadaieff, изданныхъ Гагаринымъ.

Иниціатива изданія сочиненій Чаадаева принадлежитъ К. Б. Гронковскому.

Надо имѣть въ виду, что французскій стиль Чаадаева чрезвычайно труденъ для перевода: его конструкція чисто нѣмецкая,—длинныя фразы съ массой придаточныхъ предложеній въ срединѣ и съ глаголомъ на концѣ. Мы старались переводить возможно точнѣе и ближе къ подлиннику, сохраняя нѣкоторую величественную тяжеловѣсность стиля, столь характерную для подлинника.

Вл. Ивановскій.

Предисловіе патера И. Гагарина. (S. J.),

издателя

„Oeuvres choisies de Pierre Tchadaieff, Paris-Leipzig, 1862."

Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ въ моихъ рукахъ собрались нѣкоторыя наиболѣе важныя произведенія Петра Чаадаева; я не считалъ позволительнымъ хранить для себя этотъ вкладъ и поставилъ своей обязанностью сообщить его публикѣ и особенно моимъ соотечественникамъ.

Я зналъ и любилъ Чаадаева. Въ 1833 году, въ Мюнхенѣ, знаменитый Шеллингъ говорилъ мнѣ о немъ, какъ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, какихъ онъ встрѣчалъ. Находясь въ 1835 году въ Москвѣ, я поспѣшилъ завязать съ нимъ сношенія, и мнѣ ничего не стоило убѣдиться, что Шеллингъ не преувеличилъ. Всякій разъ, какъ обстоятельства приводили меня въ Москву, я старался часто видѣться съ этимъ выдающимся человѣкомъ, и подолгу съ нимъ разговаривать. Эти отношенія оказали могущественное вліяніе на мою судьбу, и я исполняю долгъ признательности, громко заявляя, чѣмъ я ему обязанъ. Пусть чтеніе этихъ сочиненій произведетъ на многія умы то же впечатлѣніе, какое произвели его разговоры на мой.

Оригинальный и глубокій мыслитель, Чаадаевъ очень рѣзко расходился съ людьми и идеями, среди которыхъ онъ жилъ. Въ молодости онъ находился въ соприкосновеніи съ либеральнымъ движеніемъ, закончившемся кровавой катастрофой 14/26 декабря 1825 года. Онъ раздѣлялъ либеральныя стремленія людей, принимавшихъ участіе въ этомъ движеніи, онъ сходился съ ними въ признаніи слишкомъ реальныхъ золъ, отъ которыхъ страдала и страдаетъ еще Россія; но онъ отдѣлялся отъ нихъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы точно опредѣлить ихъ причину, и особенно средства противъ нихъ. Онъ не думалъ, что слѣдовало искать ко-

рень зла въ политическомъ состояніи страны и энергично отстранялъ мысль о необходимости революціи или насильственнаго измѣненія правительства. Онъ охотно сказалъ-бы вмѣстѣ съ графомъ де Местромъ, что всѣ народы имѣютъ то управленіе, какого они заслуживаютъ.

Несчастіе Россіи, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что она оставалась въ продолженіе столь долгаго промежутка времени чуждой интеллектуальной и моральной жизни Европы; и онъ видѣлъ причину этого удаленія в схизмѣ,*) которая въ теченіе вѣковъ держала русскій народъ удаленнымъ отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ. Вѣдь католическая церковь воспитала Европу, вѣдь именно она сформировала ее и дала ей это единство, столь очевидное, несмотря на различіе національностей и политическихъ установленій, эту общность принциповъ, стремленій, которыхъ не смогъ разрушить самъ протестантизмъ; она сдѣлала, что Европа всегда едина, что она живетъ одной общей жизнью. Такимъ образомъ корень зла на лицо, лѣкарство тоже легко отыскать; надо было войти въ европейскій концертъ не однимъ внѣшнимъ и поверхностнымъ заимствованіемъ результатовъ цивилизаціи, но возвращеніемъ къ тому единству, самое высокое и самое ощутительное олицетвореніе котораго есть папа.

Понятно отнынѣ, что должно было мѣшать Чаадаеву принять идеи славянофиловъ, въ обществѣ которыхъ онъ прожилъ свои послѣдніе годы.

Въ самомъ дѣлѣ, люди извѣстные въ Россіи подъ этимъ именемъ, не ограничиваются отрицаніемъ того, что было искусственнаго въ этомъ заимствованіи отъ Европы, въ этихъ иноземныхъ нововведеніяхъ, которыми Петръ I думалъ заставить выйти свою страну изъ ея вѣкового уединенія и изъ варварства, которое было его слѣдствіемъ; они осуждаютъ самую европейскую цивилизацію, утверждая, что она была въ корень извращена папствомъ и католической церковью и что нужно искать другую цивилизацію болѣе совершенную и болѣе чистую съ скрытыми, но плодотворными зачатками, заложенными и до сихъ поръ еще

*) То, что мы привыкли называть „раздѣленіемъ церквей". Прим. Ред. пер.

существующими въ нѣдрахъ восточной церкви и славянской народности. Враждебные католицизму, враждебные Европѣ, ея идеямъ, ея нравамъ, ея установленіямъ, они приписываютъ всѣ несчастья, отъ которыхъ страдаетъ Россія, чуждымъ элементамъ, неблагоразумно ею поглощеннымъ и основываютъ спасеніе отечества на логическомъ развитіи славянской народности и восточной церкви.

Эта точка зрѣнія нападала прямо на идеи, которыя были всего ближе Чаадаеву. Онъ не могъ допустить, чтобы цивилизація не была единой, чтобы существовала истинная цивилизація внѣ той, которая придала столько блеска народамъ Европы и которая опирается на христіанство. Онъ не могъ допустить, что-бы совершенное христіанство не было едино, какъ едина истина; чтобы не было едино христіанское общество или церковь, чтобы божественнымъ образомъ установленная для управленія церковью іерархія не была единой и не вела къ единству.

Безполезно излагать здѣсь идеи Чаадаева; читатель найдетъ ихъ въ его собственныхъ сочиненіяхъ. Ограничимся, краткими разъясненіями, необходимыми для тѣхъ читателей, которые не знакомы съ той средой.

„Письма о философіи исторіи" ходили по Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ въ рукописи и были извѣстны нѣкоторымъ лицамъ. Въ 1836 году, первое изъ этихъ писемъ было переведено по русски и неожиданно опубликовано въ „Телескопѣ", журналѣ, издававшемся тогда въ Москвѣ. Какъ только императоръ Николай ознакомился съ этимъ письмомъ, онъ, повинуясь только своему гнѣву, жестоко наказалъ цензора, редактора журнала, и автора статьи, отвѣтственность которыхъ должна бы была быть покрыта одобреніемъ цензуры. Журналъ былъ запрещенъ, редакторъ сосланъ на сѣверъ Россіи, цензоръ былъ разжалованъ, а авторъ былъ объявленъ сумашедшимъ. Чаадаевъ былъ присужденъ къ домашнему аресту и въ опредѣленный день, врачъ по назначенію властей приходилъ констатировать состояніе его умственныхъ способностей. Въ это-то время Чаадаевъ и написалъ „Апологію Сумашедшаго".

Самый невнимательный читатель замѣтитъ, какое вліяніе католическія идеи оказали на Чаадаева; но не слѣдуетъ изъ этого заключать, что Чаадаевъ пріобщился къ римской церкви.

Можно видѣть также, что въ его произведеніяхъ есть нѣкоторыя недомолвки и даже непослѣдовательности, которыхъ нельзя объяснить однимъ этимъ недостаточнымъ согласіемъ между принципами и поведеніемъ. Я опубликовалъ эти мѣста безо всякаго измѣненія, чтобы читатель могъ узнать Чаадаева такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Къ тому же, если бы я позволилъ себѣ пропустить что-нибудь, нашлись бы люди, которые обвинили бы меня въ подмѣнѣ его идей своими и въ томъ, что я его сдѣлалъ болѣе католическимъ, чѣмъ онъ былъ. Я предпочитаю, чтобы каждый могъ своими глазами судить объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, который, не будучи самъ католикомъ, былъ тѣмъ не менѣе однимъ изъ видныхъ апологетовъ католицизма.

Я не имѣю нужды прибавлять, что сдѣлавшись издателемъ произведеній Чаадаева, я не принимаю всѣхъ его идей и всѣхъ его оцѣнокъ. Найдутся сужденія о Гомерѣ, Эпикурѣ, Магометѣ, объ архитектурѣ, которыя покажутся странными не одному читателю; и здѣсь я не счелъ себя въ правѣ производить выборъ и я издалъ все, что *мнѣ* казалось, само по себѣ заинтересуетъ серьезные умы.

Что касается до стиля, я его не коснулся, ограничившись уничтоженіемъ нѣсколькихъ погрѣшностей, которыя можно было исправить, не искажая смысла и не мѣняя движенія фразы. Всякій разъ, напротивъ, когда приходилось замѣнять выраженіе автора выраженіемъ даже равнозначущимъ, но инымъ, я оставлялъ неточность.

Я думалъ предпослать этому изданію этюдъ о жизни и произведеніяхъ Чаадаева, но, послѣ нѣкотораго колебанія, отказался отъ этого. Время для этого, казалось мнѣ, еще не пришло. Можетъ быть, оно придетъ позднѣе.

Въ концѣ концовъ, да будетъ мнѣ позволено сдѣлать призывъ ко всѣмъ друзьямъ Чаадаева; они должны имѣть нѣсколько сочиненій его, кромѣ издаваемыхъ нами, особенно письма. Пусть они не таятъ ихъ отъ общества. Чаадаевъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыми Россія въ правѣ гордиться.

Письмо П. Я. Чаадаева къ Шеллингу.

Москва, 15 апрѣля 1841 или 1842.

Съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлали честь написать мнѣ, произошло много событій въ философскомъ мірѣ; но меня живѣе всего заинтересовало то, что вы появились на новой аренѣ, куда великій король васъ только что призвалъ. Какъ только я узналъ о вашемъ пріѣздѣ въ Берлинъ, мнѣ захотѣлось обратиться къ вамъ съ пожеланіемъ успѣха вашимъ ученіямъ въ этихъ краяхъ; но различныя заботы мнѣ въ томъ помѣшали. Теперь мнѣ остается только поздравить васъ съ тріумфомъ, въ которомъ я въ концѣ концовъ и не сомнѣвался. Повѣрьте, сударь, я не имѣю самонадѣянности думать, что мои комплименты могутъ васъ безконечно тронуть; но я не могъ устоять передъ желаніемъ увѣдомить васъ о глубокихъ симпатіяхъ, какими лучшая часть нашей литературной публики привѣтствовала ваше вступленіе въ новый періодъ философской дѣятельности. Вы не будете, конечно, равнодушны къ нимъ, и онѣ разбудятъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь, всѣ ваши симпатіи, какъ только вы узнаете ихъ сущность. Нельзя сказать, чтобы спекулятивная философія не распространила своихъ завоеваній до нашихъ отдаленныхъ предѣловъ и чтобы часть нашей молодежи не овладѣла этой мудростью, отточенныя формулы которой избавляютъ, повидимому, отъ глубокаго изученія вещей и нравятся юношескому тщеславію; но могу васъ увѣрить, что всѣ наши серьезные умы остались ей совершенно чужды. Нужно вамъ сказать, что мы живемъ среди своего рода умственнаго кризиса, который будетъ, вѣроятно, имѣть рѣшающее значеніе для будущаго нашей цивилизаціи; насъ гнететъ мѣстная реакція, естественный результатъ иноземныхъ вліяній, въ которыхъ мы жили до сихъ поръ. Всякое событіе въ развитіи человѣческаго ума представ-

ляетъ, слѣдовательно, для насъ большую важность. Философія, которая полновластно царила въ Берлинѣ до вашего пріѣзда въ этотъ городъ, проникая къ намъ и сочетаясь въ нѣсколькихъ изъ нашихъ молодыхъ головъ съ современными идеями, грозила намъ совершеннымъ извращеніемъ нашего національнаго чувства; удивительно гибкая, пригодная ко всякому примѣненію, она прошла среди насъ, порождая массу странныхъ представленій о нашей исторіи; со своей фаталистической логикой, почти уничтожающей свободную волю и находящей всюду неумолимую необходимость, обращаясь къ нашему прошлому, она хотѣла свести всю нашу исторію къ высокомѣрному апоѳеозу насъ самихъ; наконецъ, она, можетъ быть, думала лишить насъ самаго прекраснаго наслѣдства нашихъ предковъ —скромныхъ добродѣтелей, которыя вкоренила въ наши сердца суровая религія. Итакъ, судите, было ли желанно для всѣхъ серьезно любящихъ свою страну проявленіе вашей философіи въ очагѣ той, вліяніе которой могло сдѣлаться для насъ столь пагубнымъ. Есть моменты въ жизни народовъ, когда всякая новая доктрина бываетъ облечена необыкновеннымъ могуществомъ въ силу необыкновеннаго волненія умовъ, характеризующаго такія эпохи. А надо признаться, тотъ жаръ, съ какимъ суетятся у насъ на поверхности общества, чтобы снова найти потерянную народность,—невѣроятенъ. Копаются во всѣхъ углахъ нашей исторіи, во всѣхъ углахъ земного шара, и такъ какъ эта непослушная народность ускользаетъ отъ всѣхъ тщетныхъ розысковъ, то фабрикуютъ новую, которую и намѣреваются навязать странѣ, къ тому же совершенно равнодушной къ этому лихорадочному порыву нашей безбородой литературы. Но лихорадка распространяется, сударь, и если бы система, проповѣдующая динамическій ходъ человѣческаго духа и сводящая на нѣтъ роль индивидуальнаго ума, продолжала процвѣтать въ вашей ученой столицѣ, то мы увидѣли бы, я въ этомъ увѣренъ, всю нашу литературу покоренною этой гибельной системой. Въ философіи мы находимся еще на точкѣ отправленія; надо, слѣдовательно, узнать, отдадимся ли мы философскимъ идеямъ того порядка, который въ высшей степени вызываетъ всякаго рода личныя пристрастія, или же вѣрные пути, по которому мы шли до

сихъ поръ, мы будемъ продолжать идти по дорогѣ того мудраго смиренія, которое всегда было глубочайшею чертой нашего національнаго характера и въ послѣднемъ счетѣ принципомъ нашего быстраго развитія. Продолжайте же, сударь, торжествовать надъ этой гордой философіей, которая имѣла намѣреніе вытѣснить вашу: вы видите, что судьбы духовнаго развитія великой націи зависятъ отчасти отъ успѣха, который теперь пріобрѣтутъ ваши доктрины.

О, если бы мы могли увидѣть когда-нибудь, что у насъ созрѣваютъ плоды истинной философіи и быть въ томъ обязанными вамъ!

Примите, милостивый государь, мои увѣренія въ искреннемъ къ Вамъ удивленіи.

Философическія письма къ Г-жѣ ***.

Письмо первое *).

Я уважаю, я люблю въ васъ, болѣе всего, ваше чистосердечіе, вашу искренность. Эти прелестныя качества очаровали меня съ первыхъ минутъ нашего знакомства и навели на разговоръ о религіи, тогда-какъ все васъ окружавшее налагало на меня молчаніе. Представьте-же мое удивленіе, когда я получилъ ваше письмо. Вотъ все, что могу я сказать о мнѣніи, которое, по вашему предположенію, должно составить о вашемъ характерѣ. Но перейдемъ-те къ важнѣйшей части вашего письма.

Отчего это возмущеніе въ вашихъ мысляхъ, которое какъ вы говорите, волнуетъ, утомляетъ васъ до того, что разстраиваетъ самое ваше здоровье? Неужели это слѣдствіе нашихъ разговоровъ? Вмѣсто спокойствія, мира, которые должно было воцарить новое чувство, возбужденное въ вашемъ сердцѣ, оно пробудило томленіе, сомнѣнія, почти угрызеніе совѣсти. Впрочемъ, чтоже тутъ удивительнаго? Это естественное слѣдствіе настоящаго порядка вещей, которому покорены всѣ сердца, всѣ умы Вы уступили только вліянію причинъ, движущихъ всѣми, начиная съ самыхъ высшихъ чле-

*) Письма эти писаны однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, рядъ ихъ составляетъ цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, развивающее одну главную мысль. Возвышенность предмета, глубина и обширность взглядовъ, строгая послѣдовательность выводовъ и энергическая искренность выраженія, даютъ имъ особенное право на вниманіе мыслящихъ читателей. Въ подлинникѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ. Предлагаемый переводъ не имѣетъ всѣхъ достоинствъ оригинала относительно наружной отдѣлки. Мы съ удовольствіемъ извѣщаемъ читателей, что имѣемъ дозволеніе украсить нашъ журналъ и другими, изъ этого ряда писемъ.

Прим. Надеждина.

новъ общества до самыхъ низшихъ. И вы не могли воспротивиться ихъ вліянію. Самыя качества, которыми вы отличаетесь отъ толпы, дѣлаютъ васъ еще воспріимчивѣе къ вредному вліянію воздуха, которымъ вы дышете. Не многое, что я могъ сказать вамъ, не могло дать должнаго направленія вашимъ мыслямъ посреди всего васъ окружающаго. Могъ-ли я чистить атмосферу, въ которой мы живемъ? Я долженъ былъ предвидѣть послѣдствія, и въ самомъ дѣлѣ я ихъ предвидѣлъ. Вотъ причина частыхъ моихъ умолчаній которыя не только не могли проникнуть вашу душу убѣжденіемъ, напротивъ должны были привести васъ въ недоумѣніе. Еслибъ я не былъ увѣренъ, что, страданія, которыя можетъ возбудить религіозное чувство не вполнѣ развитое, всегда лучше совершеннаго равнодушія, я раскаявался бы въ своей излишней ревнительности. Но облака, которыя затемняютъ теперь ваше небо, преобратятся въ благотворную росу, которая возраститъ сѣмена запавшія въ ваше сердце. Дѣйствіе на васъ немногихъ словъ служитъ мнѣ вѣрнымъ ручательствомъ, что ваше собственное разумѣніе доведетъ васъ впослѣдствіи до полнѣйшаго развитія. Предавайтесь безбоязненно религіознымъ чувствованіямъ: изъ этого чистаго источника не могутъ родиться чувства нечистыя.

Итожъ касается до предметовъ внѣшнихъ, то на этотъ разъ вамъ довольно знать, что ученіе, основанное на высшемъ началѣ единства и на прямой передачѣ истины священнослужителями, безпрерывно слѣдующими одинъ за другимъ, совершенно согласно съ истиннымъ духомъ религіи; потому-что вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ слитія всѣхъ нравственныхъ силъ въ одну мысль, въ одно чувство, и постепеннаго образованіи въ обществѣ духовнаго единства, или церкви, которая должна воцарять истину между людьми. Всякое другое ученіе, однимъ уже отдѣленіемъ отъ ученія первоначальнаго, уничтожаетъ значеніе высокаго воззванія Спасителя: *„Отче да будутъ едино, якоже и мы“* и противодѣйствуетъ осуществленію на землѣ царствія Божія. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ васъ обязывали проявлять эту истину на землѣ; нѣтъ, не въ томъ состоитъ ваше призваніе. Напротивъ, по вашему положенію въ свѣтѣ, самое начало, изъ котораго истекаетъ это истина, обязываетъ васъ почитать ее не болѣе, какъ внутреннимъ свѣтильникомъ вашего вѣрова-

нія. Я счастливъ, что могъ содѣйствовать религіозному направленію вашихъ мыслей; но почелъ бы себя несчастнымъ, еслибъ, въ тоже время, возбудилъ укоры совѣсти, которые впослѣдствіи могли бы охладить вашу вѣру.

Кажется, я говорилъ вамъ однажды, что религіозное чувство поддерживается лучше всего исполненіемъ постановленій церкви. Это упражненіе въ покорности, которое заключаетъ въ себѣ гораздо больше нежели предполагаютъ, которое налагали на себя величайшіе умы, по зрѣломъ разсужденіи, съ полнымъ сознаніемъ, есть настоящее чествованіе Бога. *) Ничто такъ не укрѣпляетъ ума въ его вѣрованіяхъ, какъ строгое выполненіе всѣхъ налагаемыхъ ими обязанностей. Кромѣ того большая часть обрядовъ христіанской религіи, постановленные самимъ Верховнымъ Умомъ, существенно дѣйствительны для каждаго, кто умѣетъ проникнуться истинами, которыя онѣ выражаютъ. Горе тому, кто приметъ обольстительные признаки своего тщеславія, суемудрствованія своего разсудка за высшее просвѣтленіе, и возмечтаетъ, что оно освобождаетъ его отъ общаго закона! И для васъ, сударыня, что можетъ быть приличнѣе одежды смиренія? Облекитесь въ нее: она такъ идетъ вашему полу. Повѣрьте, это средство всего скорѣе укротитъ волненія вашего ума, разольетъ сладостное спокойствіе по всему существу вашему.

Для женщины, которой образованный умъ находитъ прелесть въ ученіи и въ важныхъ занятіяхъ созерцанія, что

*) Есть только единственное исключеніе изъ этого правила, совершенно общее, впрочемъ: когда находятъ въ себѣ вѣрованія порядка высшаго, чѣмъ тѣ которыя исповѣдуются массами; эти вѣрованія поднимаютъ душу къ самому источнику, откуда проистекаютъ всѣ наши увѣренности и не противорѣча, однако, народнымъ вѣрованіямъ, но напротивъ поддерживая ихъ; тогда, и только тогда, позволительно пренебрегать наружными обрядами, чтобы быть въ состояніи тѣмъ полнѣе отдаться болѣе важнымъ трудамъ.

Къ этому мѣсту примѣчаніе Гагарина:

Мы чувствуемъ потребность протестовать противъ этого ученія. Мы понимаемъ, что человѣкъ, воспитанный въ лонѣ русской церкви и имѣющій сомнѣнія относительно этой церкви, держится вдали отъ таинствъ, поскольку эти сомнѣнія существуютъ; но намъ кажется, что не объ этомъ говоритъ Чаадаевъ.

Эта фраза была выпущена въ русскомъ переводѣ, опубликованномъ въ „Телескопѣ“. И. Г.

можетъ быть естественнѣе, даже по свѣтскимъ понятіямъ, какъ жизнь нѣсколько серьезная, посвященная преимущественно благочестивымъ помысламъ и выполненію обязанностей, налагаемыхъ религіей? Вы пишете, что ничто не говоритъ вашему воображенію такъ сильно, какъ описанія этихъ мирныхъ, ясныхъ чувствованій, взглядъ на которыя, какъ взглядъ на прелестное сельское мѣстоположеніе, озаренное послѣдними лучами солнца, успокаиваетъ душу и уноситъ ее на мгновеніе изъ міра нашей болѣзненной или безцвѣтной существенности. Чтожъ мѣшаетъ вамъ осуществить одно изъ этихъ прелестныхъ созданій фантазіи? Вы одарены всѣмъ, что для этого нужно. Вы видите какъ я снисходителенъ: я отыскиваю успокоивающія средства въ собственныхъ нашихъ вкусахъ, въ пріятнѣйшихъ мечтахъ вашего воображенія.

Въ жизни есть сторона совершенно невещественная, относящаяся собственно къ разумной стихіи нашего бытія: этой стороны никакъ не должно пренебрегать. Для души есть діетическое содержаніе, точно также какъ и для тѣла; умѣнье подчинить ее этому содержанію необходимо. Знаю, что повторяю старую поговорку; но въ нашемъ отечествѣ она имѣетъ всѣ достоинства новости. Это одна изъ самыхъ жалкихъ странностей нашего общественнаго образованія, что истины давно извѣстныя въ другихъ странахъ, и даже у народовъ, во многихъ отношеніяхъ, менѣе насъ образованныхъ, у насъ только-что открываются. И это оттого что мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого. Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ.

Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ еще только умствованіе, теорія. Примѣры недалеки, вы сами созданныя такъ счастливо, что можете совмѣщать въ себѣ все, что есть въ мірѣ благого и истиннаго, одаренныя сознаніемъ всего что доставляетъ изящнѣйшія и чистѣйшія душевныя

наслажденія, скажите, далеко-ли ушли вы со всѣми этими достоинствами? Вы ищите даже того, чѣмъ наполнить вашъ день, не то что цѣлую жизнь. Вамъ не достаетъ даже тѣхъ предметовъ, которые въ другихъ странахъ составляютъ эту необходимую рамку жизни, гдѣ всѣ происшествія дня размѣщаются такъ естественно: условіе столь же нужное для здоровья нравственнаго, какъ чистый воздухъ для здоровья тѣлеснаго. Вы понимаете, что я говорю здѣсь не о нравственныхъ или философическихъ правилахъ, а просто о хорошемъ распредѣленіи жизни, о тѣхъ обыкновеніяхъ, тѣхъ навыкахъ, которые даютъ уму какое-то приволье, душѣ правильное движеніе.

Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на-ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія, нѣтъ ни что́ добрыхъ обычаевъ, не только правилъ, нѣтъ даже семейнаго средоточія; нѣтъ ничего, чтобы привязывало, чтобы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на вещности, ни въ васъ самихъ. Дома мы будто на постоѣ, въ семействахъ, какъ чужіе, въ городахъ какъ будто кочуемъ, и даже больше чѣмъ племена блуждающія по нашимъ степямъ, потому что эти племена привязанѣе къ своимъ пустынямъ, чѣмъ мы къ нашимъ городамъ. Не воображайте, чтобы эти замѣчанія были ничтожны. Бѣдные! Неужели къ прочимъ нашимъ несчастіямъ мы должны прибавить еще новое: несчастіе ложнаго о себѣ понятія? Какъ добиваться намъ жизни чистыхъ духовъ! Научимся прежде жить благоразумно въ нашей данной существенности.

Для всѣхъ народовъ бываетъ періодъ сильной, страстной, безсознательной дѣятельности. Люди блуждаютъ тогда и тѣломъ и духомъ. Это время великихъ страстей, великихъ ощущеній. Народы движутся въ то время сильно, безъ видимой причины; но не безъ пользы для будущихъ поколѣній. Всѣ общества проходили чрезъ этотъ періодъ. Онъ даровалъ имъ ихъ живѣйшія воспоминанія, ихъ чудесное, ихъ поэзію, всѣ ихъ высшія и плодотворнѣйшія идеи. Онъ необходимъ для жизни общества. Безъ него что сохранилось бы въ памяти народовъ, къ чему могли бы они привязаться, пристраститься, безъ него они дорожили

бы только прахомъ родной земли. Эта чрезвычайно занимательная эпоха въ исторіи народовъ, есть время ихъ юности; время, когда способности ихъ развиваются съ наибольшею силою, время, воспоминаніе о которомъ, въ возрастѣ возмужаломъ, служитъ имъ наслажденіемъ и урокомъ. Мы не имѣемъ ничего подобнаго. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унизительное владычество завоевателей, владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой безмѣрной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соотвѣтствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Пробѣгите взоромъ всѣ вѣка нами прожитые, все пространство земли нами занимаемое, вы не найдете ни одного воспоминанія, которое бы васъ остановило, ни одного памятника, который бы высказалъ вамъ протекшее живо, сильно, картинно. Мы живемъ въ какомъ-то равнодушіи ко всему, въ самомъ тѣсномъ горизонтѣ безъ прошедшаго и будущаго. Если иногда и принимаемъ въ чемъ участіе, то не отъ желанія, не съ цѣлію достигнуть истиннаго, существенно нужнаго и приличнаго намъ блага; а по дѣтскому легкомыслію ребенка который подымается и протягиваетъ руки къ гремушкѣ, которую завидитъ въ чужихъ рукахъ, не понимая ни смысла ея, ни употребленія.

Истинное общественное развитіе не начиналось еще для народа, если жизнь его не сдѣлалась правильнѣе, легче, удобнѣе неопредѣленной жизни первыхъ годовъ его существованія. Какъ можетъ процвѣтать общество, которое даже въ отношеніи къ предметамъ ежедневности, колеблется еще безъ убѣжденій, безъ правилъ; общество, въ которомъ жизнь еще не составилась? Міръ нравственный находится здѣсь въ хаотическомъ броженіи, подобномъ переворотамъ, которые предшествовали настоящему состоянію планеты. И мы находимся еще въ этомъ положеніи.

Первые годы нашего существованія, проведенные въ неподвижномъ невѣжествѣ не оставили никакого слѣда на

умахъ нашихъ. Мы не имѣемъ ничего индивидуальнаго, на что могла бы опереться наша мысль. Разобщенные, какою то странною судьбою, отъ всемірной жизни человѣчества, мы ничего не извлекли даже изъ идей, которыя сообщаются человѣчеству преданіями. А на этихъ-то идеяхъ основывается частная жизнь народовъ; изъ нихъ развивается ихъ будущность, ихъ нравственное образованіе. Чтобъ сравниться съ прочими образованными народами, намъ надобно переначать для себя снова все воспитаніе человѣческаго рода. Для этого передъ нами исторія народовъ и плоды движенія вѣковъ. Конечно, великъ этотъ трудъ, и можетъ быть одно поколѣніе людей не въ состояніи совершить его; но прежде всего необходимо узнать: въ чемъ дѣло, что это за воспитаніе человѣческаго рода, и какое мѣсто занимаемъ мы въ общемъ порядкѣ міра?

Народы живутъ только мощными впечатлѣніями временъ прошедшихъ на умы ихъ и соприкосновеніями съ другими народами. Такимъ образомъ каждый человѣкъ чувствуетъ свое отношеніе съ цѣлымъ человѣчествомъ.

„Что такое жизнь человѣка, говоритъ Цицеронъ, если память о предшествовавшемъ не соединяетъ настоящаго съ прошедшимъ". Мы явились въ міръ, какъ незаконнорожденные дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которой мы соединились съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно молотами вбивать въ голову то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ. Наши воспоминанія не далѣе вчерашняго дня; мы, такъ сказать, чужды самимъ себѣ. Мы идемъ по пути временъ такъ странно, что каждый сдѣланный шагъ изчезаетъ для насъ безвозвратно. Все это есть слѣдствіе образованія совершенно привознаго, подражательнаго. У насъ нѣтъ развитія собственнаго, самобытнаго, совершенствованія логическаго. Старыя идеи уничтожаются новыми, потому что послѣднія не истекаютъ изъ первыхъ, а западаютъ къ намъ Богъ-знаетъ откуда; наши умы не бороздятся неизгладимыми слѣдами послѣдовательнаго движенія идей, которыя составляютъ ихъ силу, потому что мы заимствуемъ идеи уже развитыя. Мы ростемъ, но не зрѣемъ;

идемъ впередъ, но по какому-то косвенному направленію, не ведущему къ цѣли. Мы подобны дѣтямъ, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавъ, они не имѣютъ ничего собственнаго; все ихъ знаніе во внѣшности ихъ существованія; во внѣшности вся душа ихъ.

Народы существа нравственныя, точно также какъ и люди. Они образуются вѣками, какъ люди годами. Но мы, почти можно сказать, народъ исключительный. Мы принадлежимъ къ націямъ, которыя кажется не составляютъ еще необходимой части человѣчества, а существуютъ для того чтобъ современемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это предназначеніе принесетъ свою пользу; но кто знаетъ, когда это будетъ?

Народы Европы имѣютъ одну общую физіономію, какой-то отблескъ односемейности. Несмотря на раздѣленіе ихъ на вѣтви латинскую и тевтоническую, на южную и сѣверную, между ними есть связь общая, которая соединяетъ ихъ, связь видимая для всякаго, кто углублялся въ ихъ общую исторію. Давно ли вся Европа называлась „христіанствомъ“, и это названіе имѣло мѣсто въ ея публичномъ правѣ? Но кромѣ этого общаго характера, каждый, изъ нихъ имѣетъ еще свой особенный, придаваемый ему исторіей и преданіями. И то и другое составляетъ родовое наслѣдіе идей этихъ народовъ. Каждое частное лицо пользуется плодами этого наслѣдія; безъ утомленія, безъ труда, собираетъ на жизненномъ пути свѣденія, разсѣянныя въ обществѣ и употребляетъ ихъ въ свою пользу. Теперь сравните сами: много-ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, могли бы руководствовать насъ въ жизни? Замѣтьте, что здѣсь дѣло не объ ученіи, не о литературѣ, или наукѣ; но просто о соприкосновеніи умовъ, о тѣхъ идеяхъ, которыя овладѣваютъ ребенкомъ еще въ колыбели, которыя окружаютъ его въ играхъ; которыя мать вдыхаетъ въ него своими ласками; которыя въ видѣ различныхъ чувствованій проникаютъ въ его существо въ мѣстѣ съ воздухомъ, которымъ онъ дышетъ, и образуютъ его нравственное бытіе еще до вступленія въ міръ и общество. Хотите-ли знать, что это за идеи? Это идеи долга, закона, правды, порядка. Онѣ развиваются изъ происшествій, содѣйствовавшихъ образованію общества;

отѣ необходимые начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія Европейца. Чѣмъ вы замѣните все это.

Не знаю, можно-ли вывести изъ сказаннаго что-нибудь совершенно безусловное и основать на немъ непремѣнное правило; но очевидно, какое сильное вліяніе на духъ каждаго отдѣльнаго лица должно имѣть это странное положеніе народа, по которому онъ не можетъ остановить своей мысли ни на одномъ рядѣ идей, развивавшихся въ обществѣ постепенно одна изъ другой; по которому онъ принималъ участіе въ общемъ движеніи человѣческаго разума, только слѣпымъ, поверхностнымъ и часто дурнымъ подражаніемъ другимъ націямъ. Отъ этого, вы найдете, что всѣмъ намъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, методы, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Въ нашихъ лучшихъ головахъ есть что-то больше чѣмъ неосновательность. Лучшія идеи, отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодные призраки, цѣпенѣютъ въ нашемъ мозгу. Человѣкъ теряется, не находя средства придти въ соотношеніе, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой увѣренности, всякой твердости; имъ не руководствуетъ чувство непрерывнаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ; но у насъ эта черта общая. Это не та легкомысленность, которою нѣкогда упрекали французовъ, которая, не отрицая ни глубины, ни многообъемлемости ума, зависѣла только отъ способности понимать все съ чрезвычайною легкостію, что придавало обращенію болѣе прелести и любезности; нѣтъ! это вѣтреность жизни безъ опыта и предвидѣнія; жизни, которая ограничивается эфемернымъ существованіемъ недѣлимаго, оторваннаго отъ своей породы, жизни, которая не заботится ни о славѣ, ни о распространеніи какихъ-либо общихъ идей или выгодъ, ни даже о тѣхъ семейныхъ, наслѣдственныхъ интересахъ, о томъ множествѣ притязаній и надеждъ, освященныхъ давностью, которыя въ обществѣ, основанномъ на памяти прошедшаго и на понятіи будущаго, составляютъ жизнь общественную и жизнь частную. Въ нашихъ головахъ рѣшительно нѣтъ ничего общаго; все въ

нихъ частно, и къ тому еще не вѣрно, не полно. Даже въ нашемъ взглядѣ я нахожу что-то чрезвычайно неопредѣленное, холодное, нѣсколько сходное съ физіономіею народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Находясь въ другихъ странахъ и въ особенности южныхъ, гдѣ лица такъ одушевленны, такъ говорящи, я сравнивалъ не разъ моихъ соотечественниковъ съ туземцами и всегда поражала меня эта нѣмота нашихъ лицъ.

Чужестранцы ставили намъ въ достоинство нѣкотораго рода безпечную отважность, которую встрѣчали особенно въ низшихъ классахъ. Но по нѣсколькимъ отдѣльнымъ проявленіямъ народнаго характера они не могли вѣрно судить о цѣломъ. Они не видятъ, что тоже самое начало, которое иногда придаетъ намъ эту смѣлость, дѣлаетъ насъ въ тоже время неспособными ни къ глубокомыслію, ни къ постоянству; они не видятъ, что это равнодушіе къ матеріяльнымъ опасностямъ дѣлаетъ насъ также равнодушными ко всему хорошему, ко всему дурному, ко всякой истинѣ, ко всякой лжи, и что тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ насъ всѣ сильныя возбужденія, которыя стремятъ людей по пути совершенствованія; они не видятъ, что, по милости этой-то безпечной отваги, у насъ и въ высшихъ классахъ, къ прискорбію, существуютъ пороки, которые въ другихъ странахъ принадлежатъ только низшимъ; не замѣчаютъ, что имѣя нѣкоторыя изъ добродѣтелей народовъ юныхъ, еще необразованныхъ, мы лишены всѣхъ достоинствъ народовъ зрѣлыхъ, наслаждающихся высшимъ просвѣщеніемъ. Я совсѣмъ не хочу сказать, что у насъ только пороки, а добродѣтели у европейцевъ; избави Боже! Но я говорю, что для вѣрнаго сужденія о народахъ надобно изучить общій духъ, ихъ животворящій; ибо не та или другая черта ихъ характера, а только этотъ духъ можетъ довести ихъ до совершеннѣйшаго нравственнаго состоянія, до развитія безконечнаго.

Массы находятся подъ вліяніемъ особеннаго рода силъ, развивающихся въ избранныхъ членахъ общества. Массы сами не думаютъ; посреди ихъ есть мыслители, которые думаютъ за нихъ, возбуждаютъ собирательное разумѣніе націи, и заставляютъ ее двигаться впередъ. Между-тѣмъ какъ небольшее число мыслитъ, остальное чувствуетъ, и общее движеніе проявляется. Это истинно въ отношеніи

всѣхъ народовъ, исключая нѣкоторыя поколѣнія, у которыхъ человѣческаго осталось только одно лицо. Первоначальные народы Европы, Кельты, Скандинавы, Германцы, имѣли Друидовъ, Скальдовъ, Бардовъ; это были сильные мыслители, разумѣется въ своемъ родѣ. Посмотрите на народы Сѣверной Америки, истребленіемъ которыхъ такъ ревностно занимается матеріальное просвѣщеніе Соединенныхъ-Штатовъ: между ними есть люди дивнаго глубокомыслія. Теперь спрашиваю васъ, гдѣ наши мудрецы, наши мыслители! *Когда и кто думалъ за насъ, кто думаетъ въ настоящее время?*

По нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны-бы соединять въ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ; должны-бы совмѣщать въ нашемъ гражданственномъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Опытъ цѣковъ для насъ не существуетъ. Взглянувъ на наше положеніе, можно подумать, что общій законъ человѣчества не для насъ. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не прибавили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія, и неказали все что сообщило намъ это совершенствованіе. Во все продолженіе нашего общественнаго существованія мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ; ни одной великой истины не возникло изъ-среди насъ. Мы ничего не выдумали сами, и изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь.

Странное дѣло! Даже въ мірѣ наукъ, который обнимаетъ все, наша исторія разобщена отъ всего, ничего не объясняетъ, ничего не доказываетъ. Если-бъ орды варваровъ, возмутившихъ міръ, не прошли, прежде нежели наводнили Западъ, страны нами обитаемой, мы не доставили-бы и одной главы для всемірной исторіи. Чтобъ обратить на себя вниманіе, мы должны были распространиться отъ Берингова пролива до Одера. Нѣкогда великій царь хотѣлъ насъ образовать, и чтобы заохотить къ просвѣщенію, бросилъ намъ

мантію цивилизаціи: мы подняли мантію, но не коснулись просвѣщенія. Въ другой разъ, другой великій государь пріобщилъ насъ своему великому посланію, проведши побѣдителями съ одного края Европы на другой; мы прошли просвѣщеннѣйшія страны свѣта и что-же принесли домой? Одинъ дурныя понятія, гибельныя заблужденія, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полетолѣтіе. Не знаю, въ крови у насъ есть что-то отталкивающее, враждебное совершенствованію. Повторю еще: мы жили мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, что бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія. Для меня нѣтъ ничего удивительнѣе этой пустоты и разобщенности нашего существованія. Конечно, въ этомъ виновата отчасти какая-то непостижимая судьба; но, неправы и люди, которыхъ содѣйствіе, во всемъ что свершается въ нравственномъ мірѣ неизбѣжно. Заглянемъ еще разъ въ исторію: она объясняетъ бытіе народовъ лучше всего.

Что дѣлали мы въ то время, какъ изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ, съ высокою мыслію религіи, возникало величественное зданіе новаго образованія? Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первыя сѣмена нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, у растлѣнной, презираемой всѣми народами, Византіи. Мелкая суетность только что оторвала ее отъ всемірнаго братства; и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческою страстію. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все истекало тамъ изъ этого начала, все сосредоточивалось; всякое умственное движеніе силилось объединить человѣческую мысль; всякое побужденіе проявлялось могучею потребностью отыскать одну всемірную идею: это самое и составляетъ духъ новѣйшихъ временъ. Чуждые этому дивному началу, мы сдѣлались добычею завоевателей. Свергнувъ иго чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились между тѣмъ у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства.

Сколько свѣтлыхъ лучей прорѣзали въ это время мракъ, покрывавшій всю Европу! Большая часть познаній, которыми умъ человѣческій теперь гордится, были уже предчувствуемы тогдашними умами; характеръ новѣйшаго общества

былъ уже опредѣленъ; міру христіанскому не доставало только формъ прекраснаго, и онъ отыскалъ ихъ, обративъ взоры на древности язычества. Уединившись въ своихъ пустыняхъ, мы не видали ничего происходившаго въ Европѣ. Мы не вмѣшивались въ великое дѣло міра. Мы остались чужды высокимъ доблестямъ, которыми религія озарила новѣйшія поколѣнія и которыя въ глазахъ здраваго смысла возвышаютъ ихъ надъ древними народами, также какъ эти послѣдніе возвышаются надъ Готтентотами и Лапландцами. Въ насъ не развились эти новыя силы, которыми она обогатила человѣческое разумѣніе; эта кротость нравовъ, потерявшихъ свое первобытное звѣрство отъ покорности власти безоружной. Не смотря на названіе христіанъ, мы не тронулись съ мѣста, тогда какъ западное христіанство величественно шло по пути, начертанному его божественнымъ основателемъ. Міръ пересоздавался, а мы прозябали въ нашихъ лачугахъ изъ бревенъ и глины. Коротко, не для насъ совершались новыя судьбы человѣчества; не для насъ, христіанъ, зрѣли плоды христіанства.

Послѣ этого, скажите, справедливо-ли у насъ почти общее предположеніе, что мы можемъ усвоить европейское просвѣщеніе, развивавшееся такъ медленно, и притомъ подъ прямымъ и очевиднымъ вліяніемъ одной нравственной силы, съ разу, даже не затрудняясь розысканіемъ, какъ это дѣлалось?

Тотъ рѣшительно не понимаетъ христіанства, кто не замѣчаетъ въ немъ стороны чисто исторической; стороны, которая показывая, что сдѣлало оно для людей и что должно еще сдѣлать, заключаетъ въ себѣ всю его философію и составляетъ необходимую часть его догматики. Такимъ образомъ христіанская религія является не только нравственною системой, выразившеюся въ преходящихъ формахъ человѣческаго ума; но силою божественною, вѣчною, дѣйствующею во всемъ пространствѣ міра умственнаго; силою, которой видимыя дѣйствія должны намъ служить вѣчными уроками.

Въ мірѣ христіанскомъ все необходимо должно содѣйствовать, и на самомъ дѣлѣ содѣйствуетъ учрежденію на землѣ совершеннаго порядка. Въ противномъ случаѣ дѣйствительность противурѣчила бы слову Господа: онъ не былъ

бы посреди своей церкви до скончанія вѣковъ. Новый порядокъ, царствіе Божіе, которое должно было осуществиться искупленіемъ, не отличалось бы отъ прежняго порядка, отъ царства зла, которое искупленіе должно было уничтожить: тогда существовала бы одна вообразительная усовершимость, о которой мечтаетъ философія и которую обличаетъ во лжи каждая страница исторіи; суетное волненіе ума, удовлетворяющее только нуждамъ существа матеріальнаго, которое если когда и возносило человѣка на нѣкоторую высоту, то для того только, чтобы низвергнуть потомъ въ глубочайшія пропасти.

Но вы возразите: развѣ мы не христіане, развѣ образованіе возможно только по образцу европейскому? Безъ сомнѣнія, мы христіане: но развѣ Абиссинцы не христіане же? Разумѣется, можно образоваться отлично отъ Европы: развѣ Японцы не образованы и, если вѣрить одному изъ нашихъ соотечественниковъ, даже болѣе насъ? Но неужели вы думаете, что христіанство Абиссинцевъ и образованность Японцевъ могутъ возсоздать тотъ порядокъ, о которомъ я говорилъ сію минуту, порядокъ, который составляетъ конечное предназначеніе человѣчества? Неужели вы думаете, что эти жалкія отклоненія отъ божественныхъ и человѣческихъ истинъ низведутъ небо на землю?

Въ христіанствѣ есть два направленія, рѣзко отличающіяся одно отъ другого: это есть дѣйствіе на человѣка и дѣйствіе на всемірное разумѣніе. Онѣ сливаются оба въ Верховномъ Разумѣ и ведутъ къ одной и той же цѣли. Но наше ограниченное зрѣніе не можетъ обнять время, продолженіе котораго должны осуществиться вѣчныя предначертанія божественной мудрости. Поэтому мы должны различать божественное дѣйствіе, проявляющееся въ данное время въ жизни человѣка, отъ проявляющагося только въ безконечности. Конечно, въ день окончательнаго исполненія великой тайны искупленія, всѣ сердца и всѣ умы соединятся въ одно чувство и въ одну мысль, и всѣ преграды, раздѣляющія народы и вѣроисповѣданія, исчезнутъ; но въ настоящее время, каждый долженъ знать свое мѣсто въ порядкѣ общаго призванія христіанъ, то есть долженъ знать, чѣмъ и какъ можетъ содѣйствовать онъ и все его окружающее конечной цѣли, предположенной всему человѣчеству.

Поэтому необходимо долженъ быть особенный кругъ идей, гдѣ должны двигаться умы общества, въ которомъ должна достигаться эта конечная цѣль, то есть гдѣ возбужденная мысль должна созрѣть и достигнуть всей полноты своей. Этотъ кругъ идей, эта нравственная сфера даютъ обществу особенный родъ существованія, особенный взглядъ котораго, не будучи совершенно тождественны для каждаго ведомаго этого общества, какъ въ отношеніи насъ, такъ и въ отношеніи другихъ не европейскихъ народовъ, составляютъ одинаковый способъ ихъ бытія: слѣдствіе огромной умственной работы осьмнадцати вѣковъ, работы, въ которой участвовали всѣ страсти, всѣ выгоды, всѣ страданія, всѣ мечты, всѣ усилія разума.

Всѣ европейскіе народы проходили эти столѣтія рука въ руку, и въ настоящее время, не смотря на всѣ случайныя отклоненія, они всегда будутъ сходиться на одной и той же дорогѣ. Чтобы понять семейное развитіе этихъ народовъ не нужно даже изучать исторію: прочтите только Тасса, и вы увидите, какъ всѣ они склоняются въ прахъ передъ Іерусалимомъ; вспомните, что впродолженіе пятнадцати вѣковъ они молились Богу на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе; вспомните, что впродолженіе пятнадцати вѣковъ, каждый годъ, въ одинъ и тотъ-же день, въ одинъ и тотъ-же часъ, одѣми и тѣми же словами, всѣ вдругъ они возносили хвалебные гимны Всевышнему, торжествуя величайшее изъ его благодѣяній: дивный концертъ, въ тысячу разъ пзящнѣйшій, возвышеннѣйшій всѣхъ гармоній міра физическаго! И такъ если эта сфера, въ которой живутъ европейцы, сфера единственная, гдѣ человѣческій родъ можетъ достигнуть своего конечнаго предназначенія, есть плодъ религіи; если напротивъ враждебныя обстоятельства отстранили насъ отъ общаго движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы; если отъ причины отбросили насъ въ категорію народовъ, которые не могли воспользоваться всѣмъ вліяніемъ христіанства; то не очевидно ли, что должно стараться оживить въ насъ вѣру всѣми возможными способами? Вотъ что я хотѣлъ сказать, говоря, что у насъ должно перепачать все воспитаніе человѣческаго рода. Вся исторія

новаго общества совершается въ области мнѣнія. Слѣдовательно здѣсь настоящее воспитаніе. Новое общество, основанное на этомъ началѣ, двигалось впередъ только мыслію. Выгоды всегда слѣдовали за идеями, но никогда имъ не предшествовали. Мнѣнія раждали выгоды, но выгоды никогда не раждали мнѣній. Всѣ успѣхи Запада, въ сущности были успѣхи нравственные. Искали истину и нашли благосостояніе. Вотъ какъ объясняется явленіе новаго общества и его образованіе; иначе оно совершенно непонятно.

Первыя столѣтія новой исторіи наполняются гоненіями за вѣру, мученичествомъ, распространеніемъ христіанской вѣры, ересями и соборами. Движеніе всей этой эпохи, не исключая и нашествія варваровъ, связано тѣсно съ успѣхами новѣйшаго разума еще въ дѣтствѣ. Вторую эпоху наполняютъ: образованіе іерархіи, сосредоточеніе духовной власти и безпрерывное распространеніе религіи на Сѣверѣ. За-тѣмъ слѣдуютъ: усиленіе религіознаго чувства до высочайшей степени и упроченіе религіозной власти. Философическое и литературное развитіе ума и образованіе правовъ подъ вліяніемъ религіи оканчиваютъ эту исторію, которая имѣетъ точно такое же право на названіе священной, какъ и исторія древняго избраннаго народа. Наконецъ, и настоящее положеніе общества заимствуетъ свой характеръ отъ религіознаго противодѣйствія, отъ новаго направленія, которое религія дала человѣческому духу. Такимъ образомъ, можно сказать, что у новѣйшихъ народовъ мнѣніе было единственнымъ могучимъ дѣятелемъ; оно поглощало всѣ матерьяльныя, положительныя и личныя выгоды. Знаю: вмѣсто того чтобъ дивиться этому дивному порыву человѣчества къ возможному совершенству, его называли фанатизмомъ, суевѣріемъ. Но чтобы ни говорили, подумайте, какъ сильно должно отпечатлѣться на характерахъ этихъ народовъ, какъ въ добромъ, такъ и въ дурномъ отношеніи, это развитіе общественности, вполнѣ совершенное однимъ чувствомъ! Пусть поверхностная философія вопіетъ, что хочетъ, противъ войнъ за вѣру, противъ костровъ зажженныхъ нетерпимостью: мы можемъ только завидовать народамъ, которые въ этой ошибкѣ мнѣній, въ этой кровопролитной борьбѣ за истину, создали себѣ цѣлый міръ идей, міръ, который мы не можемъ представить себѣ воображеніемъ, не только перенестись въ него тѣломъ и душой, какъ у насъ предполагаютъ.

Повторяю еще: въ Европѣ не все было умно, добродѣтельно, религіозно: но въ ней все проникнуто таинственной силой, которая царила самодержавно цѣлый рядъ столѣтій; въ ней все вслѣдствіе того безконечнаго сцѣпленія идей и явленій, которыя образовали настоящее общество. Изъ многихъ доказательствъ, вотъ одно. У народа, физіономія котораго отчѣтливѣе прочихъ, постановленія котораго проникнуты наиболѣе новѣйшимъ духомъ, словомъ у Англичанъ, почти одна религіозная исторія. Что такое бурная эпоха Карла I и Кромвеля, предшествовавшая ихъ настоящему благосостоянію, и весь этотъ длинный рядъ происшествій, ее породившихъ, до самаго Генриха VIII, какъ не развитіе чисто религіозное? Во всемъ этомъ періодѣ, выгоды чисто политическія появляются второстепенными побудителями, и часто исчезаютъ совершенно, или приносятся въ жертву мнѣнію. Даже въ эту самую минуту, какъ я пишу, *) что волнуетъ эту привилегированную землю? Выгоды религіозныя. Коротко, есть ли въ Европѣ народъ, который не нашелъ бы въ своемъ національномъ сознаніи, еслибъ только захотѣлъ поискать, этого особеннаго начала, которое, подъ видомъ священной мысли, постоянно было животворящимъ дѣятелемъ, душею общественнаго бытія, во все продолженіе его существованія?

Дѣйствіе христіанства отнюдь не ограничивается его прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ на умы людей. Неполитическое предназначеніе его должно быть слѣдствіемъ множества нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ сопряженій, въ которыхъ человѣчество должно найти возможный просторъ для всѣхъ направленій своей дѣятельности. Отсюда понятно, что все свершившееся съ перваго дня нашей эры, или лучше съ той минуты, какъ Спаситель сказалъ своимъ ученикамъ: „*идите, проповѣдуйте Евангеліе всей твари.*“ неисключая и самыя гоненія на христіанство, совершенно согласуется съ этимъ общимъ понятіемъ объ его вліяніи. Чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ осуществленіи пророческихъ изреченій Христа, довольно одного взгляда на повсемѣстное проявленіе его царствія въ сердцахъ людей, проявленіе сознательное или безсознательное,

*) 1829 года.

вольное или невольное. Такимъ образомъ, не смотря на всѣ несовершенства, на все что есть дурнаго и порочнаго въ настоящемъ европейскомъ обществѣ, частное осуществленіе царствія Божія въ немъ неоспоримо, потому что оно заключаетъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія и содержитъ въ зародышѣ и въ начальныхъ проявленіяхъ все нужное для конечнаго осуществленія его на землѣ.

Теперь позвольте мнѣ заключить это разсужденіе о вліяніи религіи на общество выпиской изъ одной вамъ неизвѣстной статьи написанной мною гораздо прежде.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ я, что тотъ, кто не замѣчаетъ дѣйствіи христіанства, вездѣ, гдѣ человѣческая мысль приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, какимъ бы то ни было образомъ, даже противодѣйствуя ему, тотъ не имѣетъ о немъ настоящаго понятія. Вездѣ, гдѣ произносится имя Христа, одно это имя увлекаетъ людей противъ ихъ воли. Ничто не обнаруживаетъ такъ божественнаго начала этой религіи, какъ этотъ отблескъ безусловной всемірности, которымъ она проникаетъ въ душу всѣми возможными способами; овладѣваетъ умами, даже въ то время, когда они, кажется, противятся ей наболѣе; покоряетъ, сообщая разумѣнію истины, дотолѣ ему неизвѣстныя, возбуждая въ сердцѣ ощущенія, до сихъ поръ имъ не испытанныя, вдыхая въ насъ чувства, которыя безъ нашего вѣдѣнія вводятъ насъ въ порядокъ общій. Такимъ образомъ она опредѣляетъ кругъ дѣйствій каждаго въ особенности, устремляя въ то же время дѣйствія всѣхъ къ одной цѣли. При разсматриваніи христіанства съ этой точки, каждое изъ пророческихъ изреченій Христа дѣлается осязаемой истиною. Отсюда можно видѣть ясно игру всѣхъ рычаговъ, которые приводитъ въ движеніе его всемогущая рука, ведя человѣка къ его предназначенію, никакъ не ограничивая его дѣятельности, никакъ не подавляя ни одной изъ силъ ему врожденныхъ, но напротивъ удвояя ихъ, возвышая до безконечности. Ни одно изъ нравственныхъ началъ не остается бездѣйственнымъ; оно пользуется всѣми способностями мысли, всею пламенною расширимостію чувства, героизмомъ души сильной и преданностію ума покорнаго. Доступное всякому созданію, одаренному разумѣніемъ, сливаясь съ каждымъ біеніемъ нашего сердца, оно погло-

ласть все, ростетъ и даже укрѣпляется препятствіями, которыя встрѣчаетъ. Съ геніяльнымъ человѣкомъ, оно возносится на высоту, недосягаемую для другихъ; съ умомъ робкимъ, идетъ по землѣ мѣрнымъ шагомъ; въ умѣ мыслящемъ, безусловно, глубоко, въ душѣ преобладаемой воображеніемъ, эфирно, творитъ міріады образовъ; въ сердцѣ нѣжномъ, любящемъ, проявляется милосердіемъ и любовью. Оно идетъ всегда вмѣстѣ съ разумѣніемъ ему предавшимся, сообщая ему силу, теплоту, ясность. Посмотрите, какъ разнообразны природы, какъ многочисленны силы, которыя оно приводитъ въ движеніе; сколько различныхъ дѣятелей сливается во-едино, сколько сердецъ, совершенно несходныхъ одно съ другимъ, бьется для одной единственной идеи!

Еще удивительнѣе общее дѣйствіе христіанства. Взгляните на картину полнаго развитія новаго общества, и вы увидите, что христіанство преобразуетъ всѣ человѣческія выгоды въ свои собственныя; потребность вещественную вездѣ замѣняетъ потребностью нравственною; возбуждаетъ въ мірѣ мыслительномъ эти великія прѣнія, которыхъ вы не встрѣтите въ исторіи другихъ эпохъ, другихъ обществъ; воспламеняетъ это ужасное бореніе мнѣній, въ которомъ цѣлая жизнь народовъ становится одной великою идеею, однимъ безконечнымъ чувствованіемъ. Вы увидите, что все создано имъ, и только имъ: и жизнь частная и жизнь общественная, и семейства и отечество, и наука и поэзія, и умъ и воображеніе, и воспоминанія и надежды, и восторги и горести. Счастливы тѣ, которые въ глубинѣ души сознаютъ свои дѣйствія въ этомъ великомъ движеніи міра, движеніи возбужденномъ самимъ Богомъ!

Но время обратиться къ вамъ, сударыня. Признаюсь, мнѣ тяжело оторваться отъ этихъ общихъ взглядовъ. Картина, которая съ этой высоты представляется мнѣ, есть для меня источникъ всего утѣшительнаго. Сладостное вѣрованіе въ будущее благоденствіе человѣчества живитъ мою душу, когда, сдавленный жалкою, окружающее меня существенностію, я жажду подышать воздухомъ чистѣйшимъ, взглянуть на небо яснѣйшее. Впрочемъ, мнѣ кажется, что я не употребилъ вашего терѣнія во зло. Прежде всего надобно было показать вамъ точку зрѣнія, съ которой должно смотрѣть на христіанскій міръ и на наши дѣйствія въ нашемъ мірѣ.

Можетъ быть вамъ покажется, что я слишкомъ нападаю на насъ: нѣтъ, я говорилъ истину, и еще не высказалъ ее вполнѣ. Впрочемъ духъ христіанства не терпитъ никакого ослѣпленія, а тѣмъ болѣе народныхъ предразсудковъ, потому что они разъединяютъ людей болѣе всего.

Это письмо довольно длинно. Вначалѣ я полагалъ, что выскажу все въ немногихъ словахъ, но впослѣдствіи увидѣлъ, что разсмотрѣніе этого предмета можетъ составить цѣлый томъ. Вы мнѣ напишете, согласны ли вы съ моими мнѣніями. Но всякомъ случаѣ, вы не избавитесь второго письма, потому что мы только приступили къ предмету нашего разсужденія....

Некрополисъ.

1829, Декабря 17.

Письмо второе.

Можно спросить, какимъ образомъ среди столькихъ потрясеній, междоусобныхъ войнъ, заговоровъ, преступленій и безумствъ существовало въ Италіи и затѣмъ въ другихъ христіанскихъ странахъ столько людей, которые культивировали искусства полезныя и искусства пріятныя; однимъ словомъ было то, чего мы не видимъ подъ господствомъ турокъ.

Voltaire. Essai sur les moeurs.

Сударыня. Вы видѣли въ моихъ предшествующихъ письмахъ *), какую важность имѣетъ хорошо постигнуть движеніе мысли въ послѣдовательности вѣковъ, но вы должны были найти въ нихъ также и другую мысль: когда проникаются основной идеей, что не существуетъ вовсе другой истины въ умѣ человѣка, кромѣ той, которую Богъ вложилъ въ него своей рукой въ то время, какъ извлекъ его изъ не-

*) Это выраженіе могло-бы заставить думать, что намъ недостаетъ одного или нѣсколькихъ изъ этихъ писемъ; мы ихъ не нашли. **И. Г.**

бытія, то становится невозможнымъ разсматривать движеніе вѣковъ такъ, какъ это дѣлаетъ вульгарная исторія. Тогда открывается, что провидѣніе или разумъ совершенно мудрый не только управляетъ теченіемъ событій, но и оказываетъ еще прямое и постоянное дѣйствіе на человѣческій духъ. Въ самомъ дѣлѣ, если признать необходимость того, чтобы разумъ сотвореннаго существа, чтобы прійти въ движеніе, получилъ первоначально импульсъ, который не происходилъ бы изъ его собственной природы, что его первыя идеи, его первыя познанія не могли быть не чѣмъ инымъ, какъ чудесными внушеніями высшаго разума, не слѣдуетъ ли отсюда, что въ самомъ теченіи его прогресса, власть, которая его такимъ образомъ установила, продолжала оказывать на него то же дѣйствіе, какое она произвела въ тотъ моментъ, когда она сообщила ему его первое движеніе?

Этотъ способъ постигнуть во времени разумное существо и прогрессъ его долженъ вамъ сдѣлаться, впрочемъ, совершенно привычнымъ, если вы, сударыня, хорошо усвоили вещи, съ которыми мы передъ этимъ согласились. Вы видѣли, что чистое метафизическое разсужденіе вполнѣ доказываетъ непрерывность внѣшняго воздѣйствія на умъ человѣка; но въ этомъ случаѣ не было даже нужды прибѣгать къ метафизикѣ; заключеніе само по себѣ строго, его можно отрицать, только отрицая предпосылки, изъ которыхъ оно выводится. Ибо, если размышляютъ о самомъ способѣ непрерывнаго дѣйствія божественнаго разума въ духовномъ мірѣ, находятъ, кромѣ того, что оно должно было быть, какъ мы только что видѣли, согласнымъ со своимъ первоначальнымъ дѣйствіемъ; оно должно было еще происходить такимъ образомъ, чтобы человѣческій разумъ остался вполнѣ свободнымъ и могъ бы проявлять всю свою дѣятельность. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что существовалъ народъ, въ нѣдрахъ котораго преданія первыхъ сношеній съ Богомъ сохранились болѣе чистыми, чѣмъ среди другихъ народовъ, и, что время отъ времени появлялись люди, въ которыхъ нѣкоторымъ образомъ возобновлялось первоначальное дѣйствіе нравственнаго порядка. Оставьте въ сторонѣ этотъ народъ, этихъ людей, обладающихъ этимъ преимуществомъ, и придется все же предположить, что у всѣхъ народовъ, во всѣ эпохи жизни человѣчества, въ каждомъ

индивидуумѣ божественная мысль проявлялась одинаково полно, одинаково живо: а это значило бы разрушить всякую личность, и всякую свободу въ духовномъ мірѣ, это значило бы уничтожить данное (la chose donnée). Очевидно, что индивидуальность и свобода существуютъ лишь настолько, насколько существуетъ разнообразіе умовъ, различіе моральныхъ силъ, различіе въ знаніяхъ. Вмѣсто того, чтобы предположить въ нѣкоторыхъ только личностяхъ, въ одной націи, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ умахъ, спеціально облеченныхъ храненіемъ сокровищницы, необыкновенную степень подчиненія первобытнымъ преданіямъ или особенную воспріимчивость по отношенію къ истинѣ изначально вложенной въ человѣческій духъ, рѣшительно только и дѣлаютъ, что полагаютъ духовный фактъ совершенно аналогичнымъ тому, что безпрерывно дѣйствуетъ передъ нашими глазами: а именно фактъ существованія народовъ и личностей, обладающихъ извѣстнымъ просвѣщеніемъ, котораго лишены другіе народы и другіе индивидуумы.

Въ остальномъ родѣ человѣческомъ эти великія традиціи сохраняются также болѣе или менѣе чистыми, сообразно съ различными положеніями народовъ; и человѣкъ шелъ по дорогѣ, которая была ему предуказана, только подъ факеломъ этихъ могущественныхъ истинъ, которыя нѣкоторый иной разумъ породилъ въ его мозгу; но существуетъ только одинъ очагъ просвѣщенія на землѣ. Этотъ очагъ не блестѣлъ, правда, какъ человѣческія свѣточи; онъ не распространялъ далеко обманчиваго блеска; сосредоточенный въ одномъ пунктѣ, сіяющій и невидимый въ одно и тоже время, какъ всѣ великія тайны міра, пылающій, но скрытый, какъ пламя жизни;—все освѣщалось этимъ неизрѣченнымъ свѣтомъ, и все стремилось къ этому общему центру, тогда какъ, все, казалось, блестѣло его собственнымъ блескомъ и направлялось къ самымъ противоположеннымъ предѣламъ. *) Но когда пришелъ моментъ великой катастрофы въ умственномъ мірѣ, всѣ суетныя власти, какія

*) Безполезно искать опредѣленное мѣсто на землѣ, гдѣ находился этотъ очагъ; но это несомнѣнно и въ этомъ согласны преданія всѣхъ народовъ міра, что первыя знанія людей исходятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же областей земного шара. П. Ч.

воздвигъ человѣкъ, мгновенно исчезли среди всеобщаго пожара, уцѣлѣла только единственная хранительница вѣчной истины. Вотъ какъ постигается религіозное единство исторіи и какъ это постиженіе поднимается до истинной философіи временъ, которая показываетъ намъ, что разумное существо подчинено одному общему закону, совершенно такъ же, какъ и остальныя сотворенныя существа. Я сильно желалъ бы, сударыня, чтобы вы могли достигнуть этого отвлеченнаго и глубокаго способа чувствовать исторію; ничто не возвышаетъ такъ нашу мысль и не очищаетъ нашу душу, какъ этотъ взглядъ на провидѣніе, господствующій надъ вѣками и ведущій человѣческій родъ къ его послѣднему назначенію.

Но постараемся сначала создать себѣ философію исторіи, проливающую на всю обширную область человѣческихъ воспоминаній свѣтъ, который былъ бы для насъ какъ бы зарей живой ясности дня. Мы извлечемъ тѣмъ больше пользы изъ этого предварительнаго изученія исторіи, что оно одно дастъ намъ полную систему, которой по всей строгости мы сможемъ удовлетвориться, если бы случайно какая-нибудь вещь остановила насъ въ нашемъ дальнѣйшемъ движеніи. Впрочемъ, благоволите вспомнить, сударыня, что я обращаю къ вамъ эти размышленія вовсе не съ высоты кафедры, и что эти письма только продолжаютъ наши прерванные разговоры, во время которыхъ я провелъ столько пріятныхъ мгновеній и которые — я люблю это повторять— были для меня истиннымъ утѣшеніемъ тогда, когда я имѣлъ въ немъ большую нужду. Не ждите же найти меня на этотъ разъ болѣе дидактичнымъ, чѣмъ обыкновенно, и вы сами, сударыня, соблаговолите, какъ обычно, дополнить изъ вашего собственнаго запаса мыслей то, что будетъ неполнымъ въ этомъ этюдѣ. Вы замѣтили, безъ сомнѣнія, сударыня, что современное направленіе человѣческаго ума ведетъ его естественнымъ образомъ къ тому, чтобы придать всякаго рода познанію историческую форму. Размышляя надъ философскими основаніями историческаго мышленія нельзя не признать, что она теперь призвана достигнуть безконечно болѣе высокаго значенія, чѣмъ то, какое оно до сихъ поръ имѣло; можно сказать, что умъ въ настоящее время находитъ удовлетвореніе только въ области исторіи;

что онъ только и дѣлаетъ, что безпрестанно обращается къ прошедшему и старается придать себѣ новыя силы, лишь резюмируя ихъ по своимъ воспоминаніямъ,—по созерцанію пройденнаго, по изученію силъ, направлявшихъ ея ходъ черезъ вѣка. Въ этомъ то, конечно, и заключается счастливый поворотъ, который совершила наука. Пора понять, что сила, почерпнутая человѣческимъ разумомъ въ узкомъ настоящемъ, не содержитъ его цѣликомъ, и, что находится въ немъ другая сила, которая, собирая въ одной мысли и прошедшія и будущія времена, составляетъ его истинное бытіе и опредѣляетъ мѣсто въ сферѣ его истинной дѣятельности.

Но не находите-ли вы, сударыня, что исторія въ разсказѣ о ней необходимо является неполной, и что она будетъ содержать всегда только то, что отъ нея осталось въ памяти людей? Вѣдь то, что случается, попадаетъ въ нее. Очевидно, что существующая историческая точка зрѣнія не можетъ удовлетворить разумъ. Несмотря на полезныя работы критики, несмотря на помощь, которую оказывали ей въ послѣднее время естественныя науки, вы видите, она не могла еще прійти ни къ единству, ни къ тому высокому правоучительному смыслу (haute moralité), который проистекаетъ изъ яснаго взгляда на общій законъ движенія вѣковъ. Человѣческій умъ всегда стремился, въ своемъ созерцаніи истекшихъ вѣковъ, къ этому великому результату; но легкое поученіе извлекаемое изъ такого рода историческихъ изученій, эти уроки банальной философіи, эти примѣры какихъ-то добродѣтелей, какъ будто бы добродѣтель выставляется напоказъ на великомъ театрѣ міра, эти тривіальныя историческія правоученія которыя никогда не создали ни одного честнаго человѣка, но толпу преступниковъ и безумцевъ, и которыя служатъ лишь для продленія жалкой міровой комедіи -все это отвернуло разумъ отъ истиннаго познанія, представить ему которое было предназначено человѣческимъ традиціямъ. Пока христіанскій духъ господствовалъ въ наукѣ, на эти занятія распространялся нѣчто отъ святого вдохновенія, изъ котораго она исходила, одна глубокая, хотя и дурно выраженная мысль; но въ ту эпоху историческая критика была какъ мало выдвинута, столько событій, въ особенности событій первобытныхъ временъ, сохра-

нялось еще въ воспоминаніяхъ человѣческаго рода въ такомъ искаженномъ видѣ, что весь свѣтъ религіи не могъ разсѣять этого глубокаго мрака, и исторія, хотя и озаренная высшимъ свѣтомъ, держалась тѣмъ не менѣе близко къ землѣ. Въ наше время раціональный способъ разсматривать историческій матеріалъ произвелъ результатъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ положительный. Совсѣмъ новая философія исторіи овладѣваетъ разумомъ вѣка; философія, которая походитъ на современную философію не болѣе, чѣмъ ученые анализы астрономіи нашихъ дней походятъ на серіи гномоническихъ наблюденій Гиппарха и остальныхъ древнихъ астрономовъ. Нужно только замѣтить, что никогда не будетъ достаточно фактовъ, чтобы все объяснить, и, что ихъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы все предчувствовать еще во времена Моисея и Геродота. Сколько бы ихъ не накопилось, они, однако, никогда не приведутъ къ полной увѣренности, которая можетъ воспослѣдовать только изъ способа, какимъ они будутъ сгруппированы, истолкованы и расположены. Такъ, напримѣръ, вѣкового опыта, который научилъ Кеплера законамъ движенія планетъ, ему вовсе не было достаточно, чтобы открыть общій законъ природы; но это открытіе свершилось, какъ извѣстно, благодаря необыкновенному своего рода откровенію благоговѣйнаго размышленія.

И прежде всего, что значатъ, скажите, пожалуйста, эти сближенія вѣковъ и народовъ, которыхъ сваливаетъ въ кучу тщетная эрудиція? Всѣ эти генеологіи языковъ, народовъ и идей? Развѣ не сумѣетъ слѣпая и упрямая философія отдѣлаться отъ нихъ всегда при помощи своего стараго аргумента о всеобщемъ единообразіи человѣческой природы; отъ всего этого чудеснаго сплетенія временъ своей любимой теоріей естественнаго развитія человѣческаго духа безъ слѣда участія промысла, безъ другой причины, какъ собственная динамическая сила природы? Человѣческій умъ для нея, какъ извѣстно, только комъ снѣга, который, увеличивается, катясь—вотъ и все. Впрочемъ, она либо видитъ повсюду естественный прогрессъ и совершенствованіе, присущія по ея утвержденію человѣческому существу, либо находитъ только движеніе, лишенное мотива и смысла. Но различнымъ свойствамъ духа или мрачнаго и безнадежнаго,

или полнаго надежд и упованій, то она видитъ только, что человѣкъ глупо суетится, какъ мошка на солнцѣ, то, что онъ поднимается и восходитъ всегда въ силу своей высокой природы, но всегда это человѣкъ—и ничего, кромѣ него. Физическій міръ, который она, добровольно невѣжественная, воображаетъ, что знаетъ, ничему ее не учитъ, а служитъ лишь тщетному любопытству ума и чувствъ. Великое просвѣщеніе, которое этотъ міръ распространяетъ безпрерывно изъ своего лона, не доходитъ до нея; и если она, наконецъ, рѣшится распознать планъ, намѣреніе, смыслъ въ ходѣ вещей, то для нея невозможно подчинить имъ человѣческій умъ и принять всѣ слѣдствія, которыя изъ этого вытекаютъ относительно всемірнаго феномена моральнаго порядка. Ни къ чему не служитъ ни установленіе связи между эпохами, ни вѣчная работа надъ матеріальнымъ фактомъ; нужно стараться характеризовать великія эпохи исторіи съ моральной стороны; нужно стараться строго опредѣлять черты каждаго вѣка по законамъ практическаго разума. Впрочемъ, если въ это хорошенько всмотрѣться, то придешь къ выводу, что историческій матеріалъ почти исчерпанъ, что народы разсказали почти всѣ свои преданія, что если отдаленныя эпохи еще могутъ когда-нибудь быть лучше освѣщены (и вовсе не той критикой, которая только и знаетъ, что шевелитъ старый прахъ народовъ, но какими-нибудь чисто логическими пріемами), то событій въ собственномъ смыслѣ не откуда уже болѣе выкопать; наконецъ, что исторіи не остается дѣлать ничего другого, какъ размышлять.

Допустивъ это, она заняла бы свое естественное мѣсто въ общей системѣ философіи и стала бы отнынѣ ея составной частью. Много вещей отошло бы тогда отъ нея, какъ это и слѣдуетъ; ихъ предоставили бы романистамъ и поэтамъ, но стало бы гораздо болѣе еще другихъ, которыя поднялись бы тогда изъ туманной атмосферы, гдѣ онѣ пока лежатъ, чтобы помѣститься на самыхъ видныхъ вершинахъ новой системы. Эти вещи получатъ печать истины уже не изъ одной хроники; но такъ же, какъ аксіомы естественной философіи, открытыя опытомъ и наблюденіемъ приводятся къ формуламъ и уравненіямъ геометрическимъ разсужденіемъ, такъ отнынѣ моральная рефлексія запе-

чатлѣетъ ихъ печатью достовѣрности. Такова, напримѣръ, такъ мало понятая еще, по нашему мнѣнію, эпоха (и это вина не данныхъ и памятниковъ, но вина идей), куда приводятъ всѣ времена, гдѣ все кончается и все начинается, о которой можно сказать безъ преувеличенія, что все прошлое рода человѣческаго тамъ находится, смѣшанное съ его будущимъ—я говорю о первыхъ временахъ христіанской эры. Настуиитъ день, я не сомнѣваюсь въ этомъ, когда историческое размышленіе уже не сможетъ оторваться отъ этого внушительнаго зрѣлища паденія во прахъ всего, что издревле было велико для людей, и отъ ихъ великихъ будущихъ судебъ готовыхъ разцвѣсть. Такимъ характеромъ отличается также и долгій періодъ, слѣдовавшій за этимъ и продолжавшій эту эпоху возобновленія человѣческаго существа, періодъ, о которомъ предразсудокъ и философскій фанатизмъ составили себѣ нѣкогда столь ложное представленіе, періодъ, когда въ глубинѣ самаго густого мрака скрывалось столько живыхъ свѣточей, сохранялось и питалось среди видимой неподвижности умовъ столько всякаго рода силъ, періодъ, который начали постигать только со времени новаго направленія, принятаго историческимъ изученіемъ.

Затѣмъ, выйдутъ изъ обволакивающаго ихъ мрака гигантскія фигуры, затерянныя въ настоящій моментъ въ толпѣ историческихъ лицъ, тогда какъ слава многихъ, которымъ люди расточали слишкомъ долго преступное и тупое поклоненіе, погрузится навсегда въ забвеніе. Такова будетъ, между другими, новая участь нѣкоторыхъ лицъ изъ Библіи, неизвѣстныхъ или пренебрегаемыхъ человѣческимъ разумомъ, и нѣкоторыхъ мудрыхъ язычниковъ, которыхъ окружили славой болѣе, чѣмъ они того заслужили; возьмемъ напримѣръ, Моисея и Сократа, Давида и Марка Аврелія. Когда-нибудь признаютъ, что Моисей далъ людямъ истиннаго Бога, тогда какъ Сократъ передалъ имъ только малодушное сомнѣніе; что Давидъ—совершенный примѣръ самаго святого героизма, тогда какъ Маркъ Авреліи, въ концѣ концовъ, только любопытный примѣръ искусственнаго величія и тщеславной добродѣтели. А Катона, раздирающаго себѣ внутренности, вспомнятъ только для того, чтобы оцѣнить по достоинству философію, которая внушила ему ту нелѣпую доблесть и

то жалкое величіе, какія онъ выказалъ. Между славными язычниками, я думаю, имя Эпикура будетъ очищено отъ предубѣжденія, которое заклеймило его, и что память о немъ привлечетъ къ себѣ новый интересъ. Измѣнится судьба и другихъ великихъ именъ. Имя Стагирита будетъ произноситься съ нѣкоторымъ ужасомъ, имя Магомета съ глубокимъ уваженіемъ. На перваго будутъ смотрѣть, какъ на ангела тьмы, который давилъ въ теченіе многихъ вѣковъ всѣ добрыя силы между людьми; на второго, какъ на благодѣтельное существо, на одного изъ тѣхъ, которые наиболѣе способствовали выполненію плана, созданнаго божественной мудростью для спасенія человѣческаго рода. Наконецъ, рѣшусь ли сказать? Родъ безчестія навлечетъ, можетъ, на себя и великое имя Гомера. Приговоръ, который религіозный инстинктъ Платона заставилъ произнести объ этомъ развратителѣ людей, не будетъ уже разематриваться, какъ одна изъ его утопическихъ остроумныхъ мыслей, а какъ одно изъ удивительныхъ предвосхищеній мыслей будущаго. Нужно, чтобы пришелъ, наконецъ, тотъ день, когда будутъ краснѣть при воспоминаніи о преступномъ очарователѣ, который самымъ ужаснымъ образомъ способствовалъ униженію человѣческой природы; нужно, чтобы люди раскаялись когда-нибудь въ фиміамѣ, который они курили этому потворщику ихъ самыхъ порочныхъ страстей, который, чтобы нравиться имъ, осквернилъ священное преданіе истины и наполнилъ ихъ сердце грязью. Всѣ эти идеи, которыя до сихъ поръ только поверхностно касались человѣческаго ума, или самое большее были похоронены въ нѣсколькихъ независимыхъ умахъ, отнынѣ безвозвратно займутъ мѣсто въ нравственномъ чувствѣ рода человѣческаго и сдѣлаются также и аксіомами здраваго смысла.

Но одинъ изъ самыхъ важныхъ уроковъ исторіи, понимаемой въ этомъ смыслѣ, долженъ состоять томъ, чтобы отвести въ воспоминаніяхъ человѣческаго духа надлежащее мѣсто народамъ, исчезнувшимъ съ міровой сцены и въ томъ, чтобы существующіе народы прониклись сознаніемъ назначенія, къ которому они призваны. Каждый народъ, постигнувъ жизнь различныя эпохи своей прошлой жизни, понялъ бы во всей истинѣ и настоящее своего бытія и сумѣлъ бы предчувствовать до извѣстной степени путь, кото-

рый ему назначено пройти въ будущемъ. Такимъ образомъ у всѣхъ народовъ установилось бы истинное національное сознаніе, которое составилось бы изъ опредѣленнаго числа положительныхъ идей, очевидныхъ истинъ, выведенныхъ изъ ихъ воспоминаній, изъ глубокихъ убѣжденій, господствующихъ болѣе или менѣе надъ всѣми умами и толкающихъ ихъ къ одной и той же цѣли. Въ ту пору національности, которыя до этого часа только и дѣлали, что раздѣляли людей, избавившись отъ своего ослѣпленія и пристрастныхъ интересовъ, соединились бы одинъ съ другими, чтобы произвести гармоническій и всеобщій результатъ,—и пришлось бы, можетъ быть, увидѣть народы, пожимающіе другъ другу руки въ справедливомъ чувствѣ общаго интереса человѣчества, который былъ бы только хорошо понятымъ интересомъ каждаго народа.

Я знаю, что это духовное сліяніе предуказано нашими мудрецами философіи и прогрессу просвѣщенія вообще. Но если подумать, что народы, хотя они и являются существами сложными, на самомъ дѣлѣ суть такія же моральныя существа, какъ и отдѣльные индивидуумы и что слѣдовательно одинъ и тотъ же законъ господствуетъ надъ умственной жизнью какъ тѣхъ, такъ и другихъ, то окажется, я думаю, что активность великихъ человѣческихъ семействъ зависитъ необходимо отъ того личнаго чувства, которое заставляетъ ихъ сознавать себя обособленными отъ остальнаго человѣческаго рода, имѣющими собственное существованіе и личный интересъ. Это чувство есть необходимый элементъ всеобщаго сознанія и составляетъ, такъ сказать, *я* коллективнаго человѣческаго существа; въ нашихъ надеждахъ о будущемъ счастьи и безпредѣльномъ совершенствѣ также нельзя ужъ будетъ отвлекать великія человѣческія единицы, какъ и тѣ меньшія, изъ которыхъ первыя состоятъ, и слѣдовательно надо рѣшительно принять ихъ за основанія и средства, данныя для того, чтобы достичь болѣе совершеннаго состоянія.

Космополитическая будущность философіи пока только химера. Нужно заняться сначала созданіемъ домашней морали народовъ, отличающейся отъ ихъ политической морали; нужно, чтобы народы научились познавать и отличать себя, какъ отдѣльныя личности; чтобы они знали свои поро-

ки и свои добродѣтели; чтобы они научились раскаиваться въ ошибкахъ, которыя они совершили, вознаграждать за сдѣланное имъ зло и твердо стоять за благо, цѣль котораго они преслѣдуютъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, первыя условія истиннаго совершенствованія для массъ, совершенно такъ же, какъ и для индивидуумовъ: именно, обращая взглядъ на протекшую жизнь, тѣ и другіе научатся выполнять свое назначеніе; именно, въ ясномъ пониманіи своего прошлаго, они найдутъ силу воздѣйствовать на свое будущее.

Вы видите, что историческая критика не будетъ сведена къ удовлетворенію лишь тщетной любознательности, но что она явится въ роли справедливѣйшаго изъ судей. Она произнесетъ неумолимый судъ надъ славой и величіемъ всѣхъ вѣковъ; она подвергнетъ добросовѣстному испытанію всѣ громкія имена, всякую славу; она воздастъ должное всякому призраку, всякому историческому обаянію; она будетъ заниматься только разрушеніемъ ложныхъ представленій, которыми загромождена память людей, для того, чтобы, представляя прошедшее въ истинномъ свѣтѣ, она могла бы изъ него вывести какія-нибудь вѣрныя слѣдствія относительно настоящаго и увѣренно перенести свои взоры въ безконечныя области, которыя развертываются передъ ней.

Я думаю, что огромная слава, слава Греціи разсѣялась бы почти цѣликомъ; я думаю, что придетъ день, когда моральное мышленіе остановится съ чувствомъ святой печали на этой странѣ обольщенья и заблужденья, откуда геній обмана проливалъ такъ долго на остальную землю соблазнъ и ложь; ужъ не придется видѣть тогда чистую душу Фенелона, питающуюся сладострастными вымыслами, порожденными самой ужасной испорченностью, въ какую когда-либо впадало человѣческое существо и мощные умы*), позволившіе овладѣть собой чувственнымъ вдохновеніямъ Платона. Напротивъ, почти забытыя старыя мысли религіозныхъ умовъ, иныхъ изъ этихъ сильныхъ мыслителей, истинныхъ героевъ мысли, которые, на зарѣ новаго общества, начертали одной рукой путь, который оно должно было пройти, тогда какъ другой они сражались съ издыхающимъ чудовищемъ поли-

*) Шлейермахеръ, Шеллингъ, Кузенъ и др.

теизма и съ чудесными понятіями тѣхъ мудрецовъ, которымъ Богъ поручилъ храненіе первыхъ словъ, произнесенныхъ имъ въ присутствіи твари, тогда эти мысли найдутъ себѣ столь же удивительное примѣненіе, какъ и неожиданное. И такъ какъ вѣроятно въ отдѣльныхъ провидѣніяхъ будущаго, которыми были одарены нѣсколько выдающихся умовъ, увидятъ тогда въ особенности выраженіе близкаго знанія абсолютной связи временъ, то найдутъ, что эти предсказанія въ дѣйствительности не относятся ни къ одной опредѣленной эпохѣ, но что они составляютъ поученія, касающіяся безразлично всѣхъ временъ. Болѣе того, стоитъ только, такъ сказать, оглядѣться вокругъ себя, чтобы видѣть, что они вѣчно осуществляются въ послѣдовательныхъ фазисахъ общества, какъ ежедневныя и свѣтоносныя проявленія вѣчнаго закона нравственнаго міра, такъ что фактъ пророчествованія будетъ имѣть тогда такой же чувственный характеръ, какъ и самый фактъ текущихъ событій. *).

Наконецъ, вотъ самый важный урокъ, который подсказываетъ, по нашему мнѣнію, исторія понятая такимъ образомъ; и въ нашей системѣ этотъ урокъ, заставляя насъ понять всеобщую жизнь разумнаго существа, которое одно дастъ разгадку человѣческой загадки, резюмируетъ всю философію вѣковъ. Вмѣсто того, чтобы удовлетворяться безразсудной системой механической способности къ совершенствованію, столь очевидно отвергнутой опытомъ всѣхъ вѣковъ, узнали бы, что предоставленный самому себѣ, человѣкъ шелъ, напротивъ, всегда лишь по дорогѣ неопредѣленнаго упадка и если и были время отъ времени эпохи прогресса у всѣхъ народовъ, моменты просвѣтленія въ всеобщей жизни человѣка, высокіе порывы ума, чудесныя усилія его природы—чего нельзя отрицать, то и ничто не показываетъ продолжительнаго и постояннаго прогресса обще-

*) Не станутъ ужъ искать, напримѣръ, какъ дѣлали нѣкогда, великаго Вавилона въ томъ или другомъ земномъ государствѣ; но почувствуютъ себя живущими въ самомъ трескѣ его разрушенія, то есть узнаютъ, что вдохновенный историкъ будущихъ вѣковъ, который намъ разсказалъ это ужасное паденіе, не думалъ о паденіи одной какой-нибудь имперіи, но о паденіи матеріальнаго общества вообще, такого, какимъ мы его видимъ въ дѣйствительности. П. Ч.

ства вообще, и въ дѣйствительности замѣчается истинное восходящее движеніе, реальный принципъ непрерывнаго движенія впередъ только въ томъ обществѣ, членами котораго мы являемся и которое сдѣлано вовсе не человѣческими руками. Мы, безъ сомнѣнія, собрали то, что умъ древнихъ нашелъ до насъ, мы извлекли изъ этого свою пользу и мы спаяли кольцо великой цѣпи вѣковъ, разбитой варварствомъ; но отсюда никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что народы пришли бы къ тому состоянію, въ какомъ они теперь находятся безъ историческаго феномена, совершенно разобщеннаго отъ всего предшествующаго, совершенно внѣ естественнаго происхожденія человѣческихъ идей въ обществѣ, всего необходимаго сцѣпленія вещей, отдѣляющаго древній міръ отъ новаго.

Если тогда, сударыня, взоръ мудраго человѣка поворачивается къ прошлому, міръ, въ тотъ моментъ, когда сверхъестественная сила сообщила ему новое направленіе, предстанетъ его воображенію въ своемъ истинномъ цвѣтѣ, испорченнымъ, кровавымъ, лживымъ. Онъ узнаетъ, что этотъ прогрессъ народовъ и поколѣній, которому онъ такъ удивлялся, привелъ ихъ на дѣлѣ только къ звѣрству безконечно низшему, чѣмъ звѣрства народовъ, которыхъ мы называемъ дикими; и — что показываетъ, насколько были несовершенны цивилизаціи древняго міра — окажется, безъ сомнѣнія, что въ нихъ не было никакихъ элементовъ постоянства и прочности. Глубокая мудрость Египта, полныя очарованія прелести Іоніи, суровыя добродѣтели Рима, ослѣпительный блескъ Александріи, чѣмъ вы стали? Спроситъ онъ себя. Какъ вы могли уничтожиться, блестящія цивилизаціи, равныя по возрасту міру, убаюканныя всѣми силами земли, пріобщенныя ко всякой славѣ, ко всякому величію, всѣмъ владычествамъ міра и, наконецъ, самой большой власти, которая когда-либо давила на землю*), ко всемірному господству? Къ чему же вела вся эта вѣковая работа, всѣ эти гордыя усилія разумной природы, если новые народы, вышедшіе неизвѣстно откуда, которые въ нихъ ни какимъ образомъ не принимали участія, должны были однажды разрушить все это, повер-

*) Александръ, Селевкиды, Маркъ Аврелій, Юліанъ, Лагиды и проч.

гнуть это великолѣпное зданіе и провести плугомъ по его развалинамъ? Развѣ человѣкъ для того только строилъ, чтобы нѣкогда увидѣть, что вся работа его рукъ обращена въ прахъ? Развѣ для того онъ столько накопилъ, чтобы потерять все въ одинъ день? Не взошелъ ли онъ высоко, чтобы спуститься гораздо ниже?

Но не заблуждайтесь, сударыня, не варвары разрушили древній міръ. Это былъ разложившійся трупъ; они только развѣяли его прахъ по вѣтру. Развѣ не нападали прежде эти самые варвары на древнія общества, не имѣя только силъ ихъ поколебать? Принципъ жизни, который поддерживалъ до сихъ поръ человѣческое общество, былъ исчерпанъ; матеріальный, или, если хотите, реальный интересъ, который одинъ только опредѣлялъ до сихъ поръ общественное движеніе, исполнилъ, такъ сказать, свою задачу и завершилъ предварительное обученіе человѣческаго рода; человѣческій духъ, какъ бы онъ не желалъ выйти за предѣлы своей земной сферы, могъ подниматься лишь время отъ времени въ высшія области, гдѣ пребываетъ истинный принципъ общественнаго бытія, и онъ не можетъ, слѣдовательно, дать обществу окончательную форму. Въ продолженіе долгаго времени составилась привычка видѣть въ мірѣ только отдѣльныя государства; отъ этого случилось, что громадное превосходство новаго общества надъ древнимъ не было еще оцѣнено по заслугамъ. Не думали о томъ, что, въ теченіи ряда вѣковъ, это общество образовывало федеральную систему, и что эта система была разрушена только реформаціей; что народы Европы не разсматривали себя раньше этого прискорбнаго событія иначе, какъ составными частями единаго общественнаго тѣла, географически раздѣленнаго на различныя государства, но единаго съ нравственной точки зрѣнія; что долго не было среди нихъ другого публичнаго права, какъ декреты церкви; что на войны тогда смотрѣли, какъ на междоусобія; наконецъ, что одинъ общій интересъ одушевлялъ тогда весь этотъ міръ, одно стремленіе приводило его въ движеніе. Исторія среднихъ вѣковъ есть, буквально, исторія одного только народа—народа христіанскаго. Вся ея основа состоитъ въ движеніе нравственнаго мышленія; событія политическія въ ней занимаютъ лишь второй планъ, и что на это особенно указываетъ, такъ это, какъ разъ

войны изъ-за мнѣній, къ которымъ философія прошлаго вѣка питала такой ужасъ. Вольтеръ очень правильно замѣчаетъ, что мнѣніе бывало причиной войны только у христіанъ; но не слѣдовало останавливаться на этомъ, надо было добраться до причины этого единственнаго факта. Ясно, что царство мысли не могло установиться въ мірѣ иначе, какъ отдавая самому принципу мысли всю свою реальность. И если нынѣ видимость вещей перемѣнилась, это результатъ схизмы, которая, разбивая единство мысли, разбила и единство общества; но сущность его, безъ всякаго сомнѣнія, еще та же, и Европа остается еще христіанской, что бы она ни дѣлала и что бы она ни говорила. Безъ сомнѣнія, она уже не вернется къ тому состоянію, въ которомъ она находилась во эпоху своей молодости и роста, но нельзя также сомнѣваться, что когда-нибудь границы, которыя раздѣляютъ христіанскіе народы, изгладятся снова и что подъ новой формой первоначальный принципъ современнаго общества проявится еще разъ съ большою энергіей, чѣмъ когда-либо. Для христіанина, это—дѣло вѣры; ему не болѣе позволительно сомнѣваться въ этомъ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, на которомъ основывается его вѣра; но для всякаго серьезнаго ума это вещь доказанная. Кто знаетъ, не ближе ли даже этотъ день, чѣмъ думаютъ? Существуетъ нынче чудесная религіозная работа въ глубинѣ умовъ, существуетъ поворотъ назадъ въ ходѣ науки, высшей силы вѣка, что-то торжественное и сосредоточенное въ душахъ; кто знаетъ, не предвѣстники ли это какихъ нибудь великихъ общественныхъ явленій, которыя должны произвести нѣкое всеобщее движеніе въ разумной природѣ, которое поможетъ замѣнить увѣренностью здраваго смысла то, что теперь только чаянія вѣры? Благодаря Богу, реформація не все разрушила; благодаря Богу, общество было уже вполнѣ построено для вѣчности, когда язва напала на христіанскій міръ.

Въ этомъ-то великомъ обществѣ, образующемъ европейскую семью, нужно изучать истинный характеръ новаго общества, а не въ той или другой отдѣльной странѣ; въ немъ именно и находится истинный элементъ прочности и прогресса, которые отличаютъ новый міръ отъ древняго; оно содержитъ все великое просвѣщеніе исторіи. Мы видимъ, напримѣръ, что, несмотря на всѣ революціи, какія

постигали новое общество, оно не только ничего не потеряло въ своей жизненности, но съ каждымъ днемъ оно ростетъ въ силахъ, что каждый день въ немъ проявляется новое могущество. Мы видимъ, напримѣръ, что арабы, татары, турки не только не могли его уничтожить, но что они, напротивъ, только укрѣпили его. Надо замѣтить, что первые два народа нападали на него раньше изобрѣтенія пороха; что слѣдовательно вовсе не огнестрѣльное оружіе предохранило его отъ разрушенія и что одинъ изъ нихъ завладѣлъ въ тоже время двумя обществами древняго міра, которыя живутъ еще и теперь *).

*) Много поучительнаго для насъ представляютъ Индія и Китай. Благодаря имъ мы являемся современниками того міра, отъ котораго вокругъ насъ сохранилась только пыль; тамъ мы можемъ узнать, что случилось бы съ человѣческимъ родомъ безъ новаго толчка, который данъ былъ всемогущею рукой въ другомъ мѣстѣ. Замѣтьте, что Китай съ незапамятныхъ временъ владѣлъ тремя важными инструментами, которые, какъ говорятъ, ускорили прогрессъ человѣческаго ума среди насъ: буссолью, печатнымъ станкомъ и порохомъ. Однако, къ чему они ему послужили? Развѣ китайцы объѣхали вокругъ свѣта? Развѣ они открыли новый свѣтъ? Владѣютъ ли они литературой болѣе обширной, чѣмъ обладали мы до изобрѣтенія книгопечатанія? Въ гибельномъ искусствѣ убивать были ли у нихъ Фридрихи, Наполеоны, какъ у насъ? Что же касается Индостана, то униженное его состояніе, въ которое его привело завоеваніе сначала монголами, затѣмъ англичанами, хорошо показываетъ, мнѣ кажется, это безсиліе и этотъ принципъ смерти, присущій всякому обществу, не основанному на непосредственно исходящей отъ верховнаго разума истинѣ. Что до меня, я думаю что это необыкновенное униженіе народа-хранителя наиболѣе древняго естественнаго просвѣщенія и зачатковъ всѣхъ человѣческихъ познаній, заключаетъ еще, помимо этого, нѣкоторый особый урокъ. Не является ли примѣненіемъ этого закона къ коллективному разуму народовъ, закона, дѣйствіе котораго мы наблюдаемъ всякій день на индивидуумѣ, то, что разумъ, по какой бы то ни было причинѣ, ничего не извлекъ изъ массы идей, распространенныхъ въ человѣческомъ родѣ и не подчиняется дѣйствію общаго закона, но что онъ изолированъ отъ человѣческаго рода и замыкается всецѣло въ самомъ себѣ, подвергаясь тѣмъ большему упадку, чѣмъ его собственное дѣйствіе было менѣе подчинено? Никогда, на самомъ дѣлѣ, нація не была доведена до состоянія такого уничиженія, чтобы стать добычей не другого народа, а нѣсколькихъ торговцевъ, самихъ подданныхъ въ своей родной странѣ, ставшихъ абсолютными властителями среди нея? Впрочемъ, помимо этого неслыханнаго уничиженія индусовъ, результатъ завоеванія, самая гибель индійскаго общества

Любятъ приписывать паденіе римской имперіи порчѣ нравовъ и обусловленному ею деспотизму. Но дѣло идетъ не только о Римѣ въ этомъ всемірномъ переворотѣ; вовсе не Римъ погибъ, погибла цѣлая цивилизація. Египетъ фараоновъ, Греція Перикла, второй Египетъ при Лагидахъ, вся Греція Александра, простиравшаяся вплоть до Инда, наконецъ, само еврейство, съ тѣхъ поръ какъ оно стало эллинизироваться—все это слилось въ римскую массу и составило одно общество, представлявшее всѣ предыдущія поколѣнія съ самаго происхожденія вещей, включившее въ себя всѣ моральныя и интеллектуальныя силы, развившіяся до тѣхъ поръ въ человѣческой природѣ. Вовсе не имперія, а человѣческое общество было уничтожено и снова возникло съ того дня. Съ тѣхъ поръ Европа какъ бы охватила весь земной шаръ; она воздвигла новый міръ, вышедшій изъ океана; она подчинила себѣ остальныя племена настолько, что они существуютъ въ нѣкоторомъ родѣ лишь съ ея соизволенія. Теперь легко понять, что происходило на землѣ когда падало старое зданіе и когда новое поднималось чудеснымъ образомъ на его мѣсто: тогда получило новый законъ, новую организацію моральное начало природы. Матеріалы древняго міра, безъ сомнѣнія, послужили къ созданію новаго, ибо верховный разумъ не могъ бы разрушить дѣло своихъ собственныхъ рукъ и необходимымъ образомъ матеріальное основаніе моральнаго порядка должно было остаться навсегда тѣмъ же самымъ; другіе человѣческіе матеріалы, совсѣмъ новые, извлеченные изъ запаса, котораго древняя цивилизація не разрабатывала, были посланы Провидѣніемъ; свѣжія и сосредоточенныя силы Сѣвера соединились съ экспансивными силами Полудня и Востока: можно сказать, что всѣ умственныя силы на землѣ, проявились и пришли въ тотъ день въ соединеніе, чтобы породить цѣлый міръ идей, элементы которыхъ были до тѣхъ поръ погребены въ самыхъ таинственныхъ глубинахъ человѣческаго сердца. Но ни планъ зданія, ни цементъ,

начинается, какъ извѣстно, гораздо раньше. Литература, философія и даже языкъ, на которомъ они писали свои произведенія, принадлежатъ теперь къ порядку вещей, не существующихъ уже съ давнихъ поръ.

связавшій эти различные матеріалы, не были дѣломъ рукъ человѣческихъ; но дѣломъ идеи истины, которая все создала. Вотъ, что намъ слѣдуетъ постигнуть, и вотъ крупный фактъ, котораго чисто историческое мышленіе, окружая себя всякаго рода человѣческою дѣятельностью, не въ состояніи понять удовлетворительнымъ для ума образомъ. Вотъ стержень, на которомъ вращается весь кругъ исторіи, и то, что совершенно объясняетъ весь фактъ воспитанія человѣческаго рода. Уже одного величія событія, его внутренне-необходимой связи съ тѣмъ, что ему предшествовало и за нимъ слѣдовало, было бы достаточно, конечно, чтобы поставить его вић обыкновеннаго теченія человѣческихъ дѣлъ, которыя никогда не могли освободиться отъ нѣкотораго произвола, чего-то своевольнаго. Но непосредственное дѣйствіе этого событія на мышленіе, тѣ новыя силы, которыми оно внезапно обогатило его, тѣ новыя потребности, которыя оно ему внезапно создало, и сверхъ всего этого, удивительное уравниваніе умовъ, по волѣ того, благодаря кому человѣкъ сталъ жаждущимъ истины и способнымъ къ познанію при всякихъ условіяхъ. Вотъ, что дѣлаетъ этотъ моментъ исторіи всецѣло запечатленнымъ удивительнымъ характеромъ промысла и верховнаго разума. Также посмотрите, развѣ съ тѣхъ поръ человѣческій разумъ, несмотря на частныя возвращенія къ вещамъ, которыя болѣе не существуютъ, не должны и не могутъ существовать, не устремляется всегда въ сущности къ этому же моменту? Взгляните, развѣ сознаніе господствующаго разума не находится теперь всецѣло въ новомъ моральномъ порядкѣ, и развѣ эта доля всемірнаго ума, увлекающая за собой всю остальную его массу, не начинается, на самомъ дѣлѣ, съ перваго дня нашей эры? Я не знаю; можетъ быть, граница, отдѣляющая насъ отъ древняго міра видна не всѣмъ взорамъ, но, конечно, она очень ощутительна для всякаго ума, образованнаго нравственнымъ чувствомъ, въ смыслѣ пониманія сколько нибудь того, что раздѣляетъ элементы мыслящей природы и что ихъ соединяетъ. Настунитъ время, повѣрьте мнѣ, когда своего рода возвращеніе къ язычеству, совершившееся въ 15-мъ вѣкѣ, и называемое очень неточно возрожденіемъ наукъ, сохранится въ памяти современныхъ народовъ такъ-же, какъ

сохраняется въ мысли человѣка, приведшаго къ добру, воспоминаніе о какомъ-нибудь безумномъ и преступномъ опьяненіи его молодости.

Замѣтьте, пожалуйста, также, что, по своего рода оптической иллюзіи, представляютъ себѣ древность, какъ наслѣдіе безконечныхъ вѣковъ, тогда какъ новый періодъ кажется начавшимся лишь вчера. Исторія же древняго міра, восходя, напримѣръ, до упроченія пеласговъ въ Греціи обнимаетъ промежутокъ времени, превосходящій не болѣе, чѣмъ на одинъ вѣкъ продолжительность нашей эры; но времена историческія не имѣютъ даже и такой продолжительности. Ну, а въ этомъ періодѣ времени, сколько обществъ погибло въ древнемъ мірѣ, тогда какъ въ исторіи новѣйшихъ народовъ вы видите, что перемѣщаются только географическія границы государствъ, а самое общество и народы остаются нетронутыми. Я не имѣю нужды говорить вамъ, что такіе факты, какъ изгнаніе мавровъ изъ Испаніи, истребленіе американскихъ племенъ, сверженіе татарскаго ига въ Россію, только подтверждаютъ наше разсужденіе. Такъ же, какъ и паденіе оттоманской имперіи, которое уже отдается въ нашихъ ушахъ, представитъ зрѣлище одной изъ тѣхъ великихъ катастрофъ, которыя не суждено испытать когда-либо христіанскимъ народамъ; потомъ придетъ очередь другихъ не христіанскихъ народовъ, живущихъ на самыхъ отдаленныхъ концахъ нашей планеты. Таковъ кругъ всемогущаго дѣйствія истины; то отклоняя народы, то заключая ихъ въ своей окружности, онъ безостановочно расширяется и приближаетъ къ намъ возвѣщенныя времена.

Что удивительно, такъ это, надо сознаться—равнодушіе, съ которымъ долгое время смотрѣли на современную цивилизацію. Вы видите, однако, что стоитъ только ее хорошенько понять и въ то же самое время разрѣшится вся общественная проблема. Для этого въ наиболѣе широкихъ и общихъ разсмотрѣніяхъ философіи исторіи, нужно возвратиться волей-неволею къ этой цивилизаціи. Въ самомъ дѣлѣ, не заключается ли въ ней продуктъ всѣхъ истекшихъ вѣковъ и не будутъ ли грядущіе вѣка не чѣмъ инымъ, какъ продуктомъ этой цивилизаціи? Вѣдь моральное бытіе не что иное, какъ бытіе, созданное вѣками и которое вѣка должны завершить. Никогда масса идей, разлитыхъ по по-

верхности міра не была такъ сконцентрирована, какъ въ современномъ обществѣ; никогда, ни въ какую эпоху жизни человѣчества, одна мысль не обнимала такъ хорошо всю дѣятельность его природы, какъ въ наши дни. Мы, прежде всего, положительно наслѣдники всего, что когда-либо было сказано или сдѣлано людьми; затѣмъ, нѣтъ на всей землѣ ни одного мѣста, которое избѣгло бы вліянія нашихъ идей; наконецъ, въ цѣломъ мірѣ существуетъ единственная умственная сила; точно также всѣ основные вопросы нравственной философіи содержатся необходимо въ единомъ вопросѣ новѣйшей цивилизаціи. Но когда произносятъ великія слова о человѣческомъ совершенствованіи, о прогрессѣ человѣческаго ума, думаютъ, что этимъ все сказано, все объяснено: говорятъ, что человѣкъ только и дѣлалъ все время, что шелъ впередъ, никогда не останавливаясь, никогда не отступая назадъ; что въ движеніи разумной природы никогда не было ни остановки, ни возвращенія назадъ, а только развитіе и прогрессъ. Если бы дѣло обстояло такимъ образомъ, почему тѣ народы, о которыхъ я вамъ сейчасъ говорилъ, не двигаются за то время, какъ мы ихъ знаемъ? Почему азіатскіе народы сдѣлались неподвижными? Чтобы прійти къ состоянію, въ которомъ они находятся теперь, имъ нужно было дѣлать, то же, что дѣлаемъ мы: искать, изобрѣтать, открывать. Отъ чего же дойдя до опредѣленной точки, они остановились и не могли съ тѣхъ поръ выдумать ничего новаго? *) Отвѣтъ совершенно простъ; прогрессъ человѣческой природы ни коимъ образомъ не безпредѣленъ, какъ это воображаютъ; существуетъ граница, которую онъ никогда не переходитъ. Вотъ почему цивилизаціи древняго міра не всегда шли впередъ. Вотъ почему Египетъ, съ тѣхъ поръ, какъ его посѣтилъ Геродотъ не сдѣлалъ прогресса до времени греческаго господства; вотъ почему римскій міръ, столь прекрасный, столь блестящій, гдѣ сливалось все просвѣщеніе какое только существовало отъ Геркулесовыхъ столбовъ до Ганга, пришелъ, въ моментъ, когда новая идея озарила человѣческій умъ,

*) Когда говорятъ о цивилизованной націи, что она неподвижна, нужно сказать, съ какихъ поръ она стала таковою, иначе это ровно ничего не говоритъ. П. Ч.

къ тому состоянію неподвижности, которая необходимо заканчиваетъ всякій чисто человѣческій прогрессъ. Если бы хоть немного поразмыслили надъ этимъ моментомъ, столь плодотворнымъ въ своихъ результатахъ, безъ классическаго суевѣрія, увидѣли бы, что кромѣ чрезмѣрной испорченности нравовъ этой эпохи, кромѣ потери всякаго чувства добродѣтели, свободы, любви къ отечеству, кромѣ настоящаго упадка въ нѣкоторыхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, былъ еще тамъ полный застой во всѣхъ другихъ отрасляхъ, и что умы дошли до того, что могли обращаться лишь въ опредѣленномъ узкомъ кругу, откуда они выходили только, для того, чтобы броситься въ тупую безпорядочность. Когда матеріальная выгода удовлетворяетъ, человѣкъ не идетъ впередъ: счастливъ онъ, если не идетъ назадъ! Не нужно обманывать себя, въ Греціи совершенно такъ же, какъ въ Индостанѣ, въ Римѣ, какъ и въ Японіи, вся работа ума, какъ бы чудесна она ни могла быть или ни была, всегда занималась и занимается однимъ и тѣмъ же: поэзіей, философіей, искусствомъ; но тамъ все это имѣло цѣлью и до сихъ поръ имѣетъ цѣлью удовлетвореніе физической стороны человѣка. Что ни есть самаго возвышеннаго въ ученіяхъ и въ умственныхъ привычкахъ Востока, вовсе не противорѣчитъ этому общему факту, напротивъ, подтверждаетъ его; ибо кто не видитъ, что всѣ эти безпорядочные потоки мысли, которые мы тамъ находимъ, происходятъ тамъ только отъ иллюзій и мечтаній чувственнаго человѣка? Только не слѣдуетъ думать, что этотъ земной интересъ, вѣчный двигатель всякой человѣческой дѣятельности, былъ бы ограниченъ одними желаніями чувствъ. Это просто на просто общее стремленіе къ благосостоянію, обнаруживающееся во всевозможныхъ видахъ, въ зависимости отъ болѣе или менѣе развитаго состоянія общества, отъ разнообразныхъ мѣстныхъ причинъ въ самыхъ различныхъ формахъ, никогда однако, не поднимающееся до потребностей чисто духовнаго бытія. Только христіанское общество одушевлено настоящимъ образомъ этимъ интересомъ къ мысли и въ этомъ то, конечно, и состоитъ способность современныхъ народовъ къ совершенствованію, въ немъ находится тайна ихъ цивилизаціи. Какимъ бы образомъ другой интересъ въ немъ не проявлялся, вы найдете, что онъ всегда подчиненъ

этой могучей силѣ, которая охватываетъ тамъ всѣ душевныя свойства, налагаетъ дань на всѣ способности ума и чувства и властно заставляетъ человѣка исполнять свое предназначеніе. Вотъ этотъ-то интересъ, навѣрное, не можетъ быть никогда удовлетворенъ: онъ —по своей природѣ безконеченъ. Нужно, слѣдовательно, чтобы христіанскіе народы вѣчно шли впередъ. И, хотя цѣль, къ которой они стремятся, не имѣетъ ничего общаго съ другимъ благосостояніемъ, единственнымъ, какое могутъ предположить себѣ не христіанскіе народы, они и его найдутъ на своей дорогѣ, и изъ него извлекутъ свою пользу; наслажденія жизни, которыхъ только ищутъ другіе народы, они ихъ также получатъ по слову Спасителя: „Ищите же прежде всего царствія Божія и правды его и все остальное приложится вамъ". *) Огромное развитіе всѣхъ умственныхъ силъ, которое возбуждаетъ духъ, господствующій надъ ними, наполняетъ ихъ мірскими благами, какъ и духовными. Нельзя, кромѣ того, сомнѣваться, что среди насъ никогда не будетъ ни китайской косности, ни греческаго упадка: гибель всей нашей цивилизаціи еще менѣе можно себѣ вообразить. Надо только посмотрѣть вокругъ себя, чтобы убѣдиться въ этомъ. Для разрушенія современной цивилизаціи нужно было бы потрясеніе сверху до низу всего земного шара, нужно повтореніе революціи, подобной той, которая ему придала его настоящую форму. Безъ второго всемірнаго потопа, нельзя себѣ представить полное истребленіе нашего просвѣщенія. Если бы одно изъ полушарій, напримѣръ, цѣликомъ изчезло, того, что осталось бы отъ нашей цивилизаціи въ другомъ, было бы достаточно, чтобы обновить человѣческій духъ. Никогда, нѣтъ, никогда мысль, которая должна завоевать вселенную, не остановится, не погибнетъ, если только особый декретъ Того, кто вложилъ ее въ человѣческую душу, не поразитъ ее свыше. Этотъ философскій результатъ размышленія объ исторіи, болѣе положителенъ, болѣе очевиденъ и болѣе поучителенъ, если не ошибаюсь, чѣмъ всѣ тѣ, которые банальная исторія по своему извлекаетъ изъ картины вѣковъ, пользуясь данными:

*) Матѳ. VI, 33.

почвой, климатомъ, человѣческими расами и т. д. и особенно теоріей необходимаго совершенствованія.

Нужно признаться, однако, что, если вліяніе христіанства на общество, на развитіе человѣческаго ума и на современную цивилизацію, не было еще достаточно оцѣнено, то виноваты въ этомъ главнымъ образомъ протестанты. Вы знаете, что они видятъ въ пятнадцати вѣкахъ, предшествовавшихъ реформаціи или, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, когда, по ихъ мнѣнію, исчезло первоначальное христіанство, только папизмъ; поэтому они не интересовались слѣдить за развитіемъ христіанства въ средніе вѣка; это для нихъ пустое мѣсто во времени: какъ же объясняютъ они воспитаніе современныхъ народовъ? Ничто не способствовало такъ къ искаженію картины новѣйшей исторіи, какъ предразсудокъ протестантизма. Ему нравилось преувеличивать важность возрожденія наукъ, котораго, собственно говоря, никогда не существовало, потому что никогда науки не погибали вполнѣ; это онъ вообразилъ множество причинъ прогресса, которыя въ сущности дѣйствовали, какъ второстепенныя причины или только проистекали изъ главной причины. Къ счастью, философія менѣе партійная, болѣе высокая въ своихъ взглядахъ, обратившись къ прошлому, исправила въ настоящее время наше представленіе объ этомъ интересномъ періодѣ. Благодаря ей было внезапно открыто столько новаго, что самое упорное недоброжелательство не можетъ уже устоять предъ этими свѣдѣніями, и намъ будетъ позволено, я думаю, сказать, что если входитъ въ планъ Провидѣнія, чтобы люди были просвѣщены этимъ путемъ, то не далекъ тотъ моментъ, когда великій свѣтъ польется изъ тьмы, которая отчасти еще покрываетъ исторію новаго общества. *)

Мы не можемъ не вернуться еще разъ къ этому упорству протестантовъ, не находящихъ христіанства со второго или самое большее съ третьяго вѣка. Если повѣрить имъ въ этомъ—то съ того времени христіанства осталось ровно настолько, сколько было нужно, чтобы оно не погибло совершенно; суевѣріе и невѣжество этихъ одиннадцати

*) Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, Гизо въ значительной мѣрѣ оправдалъ нашу надежду. П. Ч.

или двѣнадцати вѣковъ имъ казались такими, что они видѣли въ нихъ одно идолопоклонство, еще болѣе плачевное, чѣмъ идолопоклонство, языческихъ народовъ; если повѣрить имъ—то, не появись вальденецъ, *) нить священной традиціи была бы совершенно разорвана; не появись почему-нибудь еще нѣкоторое время Лютеръ, и христіанская религія погибла-бы. И такъ, спрашиваю я васъ, какъ признать божественную печать на томъ ученіи, лишенномъ силы, постоянства, жизни, въ какое они обращаютъ христіанство, въ томъ преходящемъ и лживомъ ученіи, которое, вмѣсто того, чтобы возродить человѣческій родъ и вдохнуть въ него новую жизнь, какъ обѣщало явилось на землѣ лишь на мигъ, чтобы угаснуть, родилось только для того, чтобы немедленно умереть или послужить только орудіемъ людскихъ страстей? Такъ значитъ судьба церкви держалась только на желаніи Льва X окончить базилику св. Петра? Въ томъ, что онъ продавалъ индульгенціи въ Германіи по этому поводу, и въ то время едва ли былъ хоть слѣдъ христіанства. Я не знаю, можетъ ли что нибудь заставить лучше понять коренной недостатокъ реформаціи, чѣмъ эта узкая и мелочная манера разсматривать откровенную религію. Развѣ это не противорѣчитъ собственнымъ словамъ Іисуса Христа и всей идеѣ его религіи? Если его слово должно существовать дольше, чѣмъ небо и земля, и онъ самъ будетъ постоянно среди насъ, какъ же храмъ, построенный его руками, могъ въ одинъ мигъ обрушиться? И какимъ образомъ въ теченіи столь долгаго времени, онъ могъ оставаться пустымъ, какъ покинутый домъ, готовый развалиться?

Нужно однако признаться, они были послѣдовательны. Если они сначала предали огню всю Европу, если они затѣмъ разорвали связи, соединявшія христіанскіе народы въ одну семью—это значитъ, что христіанство было на краю гибели. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдовало ли все принести въ жертву, чтобы его спасти? Но вотъ фактъ: ничто не показываетъ лучше божественности нашей религіи, какъ ея постоянное дѣйствіе на человѣческій духъ, дѣйствіе, которое, хотя и умѣрялось по временамъ, хотя и соображалось

*) Петръ Вальденъ, основавшій около 1180 г. секту для возстановленія христіанства въ духѣ апостоловъ. Прим. Ред.

съ различными потребностями народовъ и вѣковъ, никогда не замедлялось, не говоря уже о томъ, чтобы прекратиться совершенно. Это зрѣлище ея верховной силы, непзмѣнно дѣйствующей среди безконечныхъ препятствій, которыхъ не переставали ей воздвигать и порочность нашей природы и пагубное наслѣдство язычества, лучше всего удовлетворяетъ разумъ.

Что же означаетъ утвержденіе, что католическая церковь выродилась изъ первоначальной церкви? Развѣ не оплакивали испорченности христіанъ съ третьяго столѣтія отцы церкви? И всегда, въ каждомъ вѣкѣ, на всякомъ соборѣ развѣ не повторялись тѣ же жалобы? Всегда истинное благочестіе развѣ не поднимало своего голоса противъ злоупотребленій и пороковъ духовенства, и, когда случалось, противъ незаконнаго захвата іерархической власти? Ничего нѣтъ болѣе удивительнаго, какъ яркіе лучи свѣта, которые время отъ времени вырывались изъ нѣдръ черной ночи, покрывавшей міръ; то это были примѣры самыхъ высокихъ добродѣтелей, то чудесныя дѣйствія вѣры на духъ народовъ и отдѣльныхъ личностей; церковь собирала все это и въ этомъ обрѣтала свою силу и свое богатство; такимъ образомъ строилась вѣчная фабрика, тѣмъ способомъ, который могъ лучше всего придать ей ея необходимую форму. Первоначальная чистота христіанства не могла естественнымъ образомъ сохраниться навсегда, нужно было, чтобы она прошла всѣ фазы испорченности, чтобы она имѣла слѣды всѣхъ отпечатковъ, которые должна была наложить на нее свобода человѣческаго разума. Къ тому же, совершенство апостольской церкви было совершенствомъ малочисленной общины, затерянной въ громадномъ языческомъ обществѣ, чѣмъ не могло быть всемірное общество всего человѣческаго рода. Золотой вѣкъ церкви, какъ извѣстно, былъ вѣкомъ величайшихъ ея страданій, вѣкомъ, когда происходило еще мученичество, которое должно было основать новый порядокъ, когда струилась еще кровь Спасителя; нелѣпо мечтать о возвращеніи положенія вещей, которое было слѣдствіемъ великихъ несчастій, удручавшихъ первыхъ христіанъ.

И такъ, хотите знать, что сдѣлала эта реформація, которая хвалится, что отыскала христіанство? Вы видите,

что это одинъ изъ самыхъ великихъ вопросовъ, которые исторія могла себѣ задать. Она вновь поставила міръ въ языческое состояніе разъединенія; она снова установила великія моральныя индивидуальности, то разъединеніе душъ и умовъ, положить конецъ которому пришелъ Спаситель. Если она ускорила движеніе человѣческаго ума, то вмѣстѣ съ тѣмъ, она отняла у сознанія разумнаго существа плодотворную и высокую идею всеобщности! Всякій расколъ въ христіанскомъ мірѣ разбиваетъ то таинственное единеніе, въ которомъ заключается вся божественная идея христіанства и все его могущество. Вотъ почему католическая церковь никогда не мирилась съ отдѣлившимися вѣроисповѣданіями. Горе ей и горе христіанству, если дѣло раздѣленія когда-нибудь будетъ признано законнымъ авторитетомъ! Все тогда будетъ снова хаосомъ человѣческихъ идей, лжи, развалинъ и праха. Только видимое, такъ сказать, осязаемое постоянство истины могло бы сохранить царство духа на землѣ; только воплощаясь въ формы, данныя человѣческой природой, находитъ царство мысли прочное и постоянное пребываніе. И затѣмъ, чѣмъ становится таинство причащенія, это чудесное открытіе христіанскаго разума, которое, если позволительно такъ выразиться, матеріализируетъ души, чтобы ихъ лучше соединить, если не желаютъ видимаго соединенія, если удовлетворяются внутренней общностью мнѣній безъ внѣшняго проявленія? Къ чему соединяться со Спасителямъ, если удаляются другъ отъ друга? Что жестокій Кальвинъ, убійца Серве, что драчунъ Цвингли, что тиранъ Генрихъ VIII съ лицемѣромъ Кранмеромъ не знали могущества любви и единенія, содержащагося въ великомъ таинствѣ,—я этому не удивляюсь; но что глубокіе и истинно-религіозные умы лютеранской церкви, гдѣ это ограбленіе Евхаристіи не составляетъ догмата и оспаривалось съ такимъ жаромъ его основателемъ, могли такъ странно ошибаться относительно его духа и что они предались мертвой мысли кальвинизма—это непостижимо. Надо сознаться, что существуетъ во всѣхъ протестанскихъ церквахъ странная склонность къ разрушенію; онѣ, какъ бы, только и стремятся къ самоуничтоженію, и не хотятъ ничего, что могло бы дать имъ продолжительное существованіе. Развѣ таково ученіе Того, кто пришелъ чтобы принести на землю жизнь

и побѣдилъ смерть? Развѣ мы находимся на небѣ, что можемъ безнаказанно отбросить условія дѣйствительности. И эта дѣйствительность есть ли что-нибудь другое, какъ не соединеніе чистыхъ мыслей разумнаго существа съ потребностями его существованія? Вѣдь, первая изъ этихъ потребностей, это общество, соприкосновеніе умовъ, соединеніе идей и чувствъ; только удовлетворяя имъ, истина становится живой, изъ области созерцанія спускается въ реальную область; изъ мысли она становится фактомъ и наконецъ получаетъ характеръ силы природы, а ея дѣйствіе ставится столь же законномѣрнымъ, какъ дѣйствіе всякой другой естественной силы. Но какъ все это можетъ происходить въ идеальномъ обществѣ, существующемъ только въ желаніяхъ и въ воображеніи? Невидимая церковь протестантовъ на дѣлѣ является какъ бы несуществующей.

Всѣ христіанскія общины соединятся въ тотъ день, когда отколовшіяся церкви рѣшатся признать въ духѣ покаянія и смиренія, во вретищѣ и подъ пепломъ, что, отдѣляясь отъ церкви-матери, онѣ далеко оттолкнули отъ себя дѣйствіе слѣдующей молитвы Спасителя: „Отецъ святой, сохрани ихъ во имя твое, тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ мы суть едино". *)

Что папство, могло бы быть, какъ это утверждаютъ, человѣческимъ установленіемъ, если бы вещи этого порядка дѣлались рукой человѣка, я съ этимъ совершенно согласенъ, но оно происходитъ по своей сущности изъ духа христіанства; оно есть видимый знакъ единенія, и такъ какъ было раздѣленіе, знакъ возсоединенія. По справедливости, какъ не воздать ему верховенства надъ всѣми христіанскими обществами? Но кто не будетъ удивляться его особеннымъ судьбамъ? Несмотря на всѣ перемѣны и на всѣ невзгоды, несмотря на свои собственныя ошибки, несмотря на всѣ приступы безвѣрія, несмотря даже на свой тріумфъ -вотъ оно стоитъ болѣе крѣпкое, чѣмъ когда-либо! Лишенное человѣческаго блеска, оно отъ этого становится только болѣе сильнымъ и это равнодушіе по отношенію къ себѣ только еще болѣе укрѣпило и лучше обезпечило его постоянство. Нѣкогда силу ему давало почитаніе христіанскаго

*) Іоанна, XVII, 11.

міра, особенный инстинктъ народовъ заставлялъ видѣть въ немъ причину земскаго такъ же, какъ и небеснаго спасенія; теперь ему даетъ силу его смиренное положеніе среди земныхъ властей. Но всегда оно исполняетъ свое назначеніе совершеннымъ образомъ, оно централизуетъ христіанскія идеи, ихъ привлекаетъ другъ къ другу, взываетъ даже къ тѣмъ, кто отрекается отъ единенія, этого высшаго принципа вѣры, и всегда въ силу небеснаго призванія, которымъ оно запечатлѣно, величественно паритъ надъ міромъ матеріальныхъ интересовъ.

Какъ бы ни говорили, что имъ теперь мало занимаются, положимъ, что, сверхъ ожиданія, оно вдругъ исчезнетъ съ лица земли,—вы увидите блужданіе, въ которое впадутъ всѣ религіозныя общины, когда этотъ живой памятникъ исторіи великаго общества не будетъ болѣе существовать. Пожелаютъ снова найти это видимое единство, которымъ такъ мало дорожатъ теперь, но нигдѣ его не окажется; и несомнѣнно, драгоцѣнное сознаніе своего будущаго, наполняющее сейчасъ христіанскій разумъ и дающее ему эту высшую жизнь, отличающую его отъ обыкновеннаго ума, разсѣется тогда по необходимости, какъ эти надежды, которыя основывались на воспоминаніи о дѣятельномъ существованіи; ихъ теряютъ съ того момента, какъ вся эта дѣятельность остается безъ результата, какъ самая память о нашемъ прошломъ, безполезная тогда ускользаетъ отъ насъ.

Письмо третье.

Сударыня,

Чѣмъ болѣе вы будете размышлять о томъ, что я вамъ говорилъ ранѣе, тѣмъ болѣе станете находить, что все это уже было сказано сотни разъ людьми всѣхъ партій и всѣхъ мнѣній, но что только мы обращаемъ вниманіе на то, на что ранѣе его не обращали. Я не сомнѣваюсь, однако, что, если этимъ письмамъ придется увидѣть свѣтъ, закричатъ о парадоксѣ. Когда опираются съ извѣстной степенью убѣжденія на идеи даже самыя обыкновенныя, ихъ всегда принимаютъ за необыкновенныя новости. Что до

меня касается, то я думаю, что время парадоксовъ и системъ безъ реальнаго основанія такъ давно прошло, что нельзя уже, не будучи тупымъ, впасть въ старыя странности человѣческаго ума. Несомнѣнно, что если человѣческій умъ въ наше время не такъ обширенъ, не такъ высокъ, не такъ плодовитъ, какъ въ великіе вѣка вдохновенія и изобрѣтенія, то онъ безконечно суровѣе, трезвѣе, строже, методичнѣе, справедливѣе, наконецъ, чѣмъ онъ былъ когда-либо; и, прибавлю я съ чувствомъ истиннаго счастья, онъ становится съ нѣкотораго времени еще безличнѣе, чѣмъ когда-либо—что представляетъ самую вѣрную гарантію противъ безразсудства отдѣльныхъ мнѣній.

Если мы пришли, размышляя о человѣческихъ воспоминаніяхъ, къ какимъ-нибудь взглядамъ, свойственнымъ, лично намъ и не согласнымъ съ предразсудкомъ, то это потому, что мы думаемъ, что пора смѣло принять свое рѣшеніе относительно исторіи, какъ это сдѣлали въ прошломъ вѣкѣ относительно естественныхъ наукъ, т. е. постигнуть ее во всей ея раціональной идеальности, какъ тогда постигали эти науки въ ихъ эмпирической реальности. Такъ какъ предметъ исторіи и способы познанія были всегда одни и тѣ же, ясно, что кругъ историческаго познанія долженъ когда-нибудь замкнуться; примѣненія никогда не кончатся, но къ разъ найденному правилу нечего будетъ прибавить. Въ физическихъ наукахъ каждое новое открытіе даетъ новое поприще уму и открываетъ новое поле для наблюденія: чтобы не ходить далеко, не открылъ-ли одинъ лишь микроскопъ цѣлаго новаго міра, неизвѣстнаго прежнимъ натуралистамъ? Въ изученіи природы прогрессъ поэтому необходимо безконеченъ; но въ исторіи всегда изучаютъ человѣка, и онъ же всегда является орудіемъ этого изученія. Такимъ образомъ, если существуетъ великое поученіе, скрытое въ исторіи, то нужно, чтобы въ ней пришли къ чему-нибудь опредѣленному, что заставило бы окончить разъ навсегда опытъ, т. е. прійти къ чему-нибудь вполнѣ раціональному. Нужно, чтобы когда-нибудь эта прекрасная мысль Паскаля—я уже вамъ ее, вѣроятно, приводилъ,—*что весь послѣдовательный рядъ людей есть не что иное, какъ одинъ человѣкъ, существующій вѣчно,* перестала быть лишь фигуральнымъ выраженіемъ абстрактнаго принципа,

но чтобы она сдѣлалась реальнымъ фактомъ человѣческаго разума, который съ тѣхъ поръ будетъ, такъ сказать, уже вынужденъ дѣлать опыты, только двигая всякій разъ всю громадную цѣпь человѣческихъ идей, тянущуюся черезъ всѣ времена.

Но спрашивается, можетъ ли человѣкъ когда-нибудь усвоить себѣ вмѣсто чисто-личнаго, совершенно уединеннаго сознанія, какое онъ находитъ теперь въ себѣ самомъ, это всеобщее сознаніе, которое заставитъ его непоколебимо чувствовать себя частью великаго моральнаго цѣлаго? Да, безъ сомнѣнія. Пусть объ этомъ подумаютъ; кромѣ чувства своей личной индивидуальности, мы носимъ въ своемъ сердцѣ чувство связи съ родиной, съ семьей, съ идейнымъ цѣлымъ, членами котораго мы являемся. Это чувство бываетъ часто даже живѣе, чѣмъ другое; зачатокъ высшаго сознанія очень явственно лежитъ въ насъ; онъ образуетъ сущность нашей природы; но вовсе не неизбѣжный законъ опредѣлилъ намъ наше настоящее *я*: мы сами вложили его въ нашу душу. У человѣка нѣтъ другого назначенія въ этомъ мірѣ, какъ эта работа разрушенія своего личнаго бытія и замѣна его бытіемъ совершенно соціальнымъ или безличнымъ. Вы видѣли, что въ этомъ единственная основа моральной философіи. *) Вы видите, что это также основа исторической мысли и вы увидете еще, что всѣ иллюзіи, прикрывающія или извращающія различныя эпохи всеобщей жизни человѣческаго существа, не могутъ быть разсматриваемы въ этомъ обзорѣ съ холоднымъ интересомъ науки, но съ глубокимъ чувствомъ моральной истины. Какъ отождествиться съ вещью, никогда не существовавшей? Какъ связать себя съ *небытіемъ*? Только въ истинѣ проявляютъ себя притягательныя силы той и другой природы. Чтобы подняться на эти высоты нужно, чтобы въ изученіи исторіи мы приняли бы обыкновеніе никогда не мириться ни съ бреднями воображенія, ни съ привычками воспоминанія, но чтобы мы столь же стремились найти положительное и вѣрное, какъ всегда преслѣдовали живописное и занимательное. Не слѣдуетъ намъ наполнять нашу память фактами, къ

*) Смотрите въ другомъ письмѣ. П. Ч.

чему? Ошибочно думать, будто масса фактовъ необходимо открываетъ достовѣрное. Вѣдь вовсе не недостатокъ фактовъ обусловливаетъ гипотетичность историческаго пониманія и не незнаніе ихъ, что мѣшаетъ познанію исторіи, а недостатокъ размышленія и неправильность разсужденія. Если бы желали добиться достовѣрности, прійти къ положительному знанію въ этой области науки только съ помощью фактовъ, кто не видитъ того, что фактовъ никогда нельзя набрать достаточно? Часто одна единственная черта, если она хорошо схвачена, освѣщаетъ и объясняетъ лучше, чѣмъ цѣлая хроника. Вотъ однако наше правило: станемъ размышлять объ извѣстныхъ намъ фактахъ и постараемся имѣть въ умѣ больше живыхъ образовъ, чѣмъ мертвыхъ матеріаловъ. Пусть другіе изнуряются, сколько хотятъ, роясь въ старой пыли исторіи, что касается до насъ, у насъ есть другое дѣло. Поэтому мы разсматриваемъ историческій матеріалъ, какъ всегда полный; мы вѣдь не довѣряемъ никогда логикѣ исторіи; ее именно намъ нужно изслѣдовать. Если въ потокѣ вѣковъ мы не будемъ видѣть, подобно другимъ, ничего, кромѣ человѣческаго разума и совершенно свободной воли, мы напрасно будемъ нагромождать въ нашемъ умѣ факты и самымъ чудеснымъ образомъ въ свѣтѣ заставимъ ихъ протекать одни изъ другихъ, мы не найдемъ ничего изъ того, что мы ищемъ въ исторіи; мы въ ней всегда увидимъ, слѣдуя такому способу, только ту же человѣческую игру, что въ ней видѣли во всѣ времена. *) Это будетъ всегда та динамическая и психологическая исторія, о которой я вамъ недавно говорилъ, которая хочетъ объяснить все индивидуумомъ и сцѣпленіемъ воображаемыхъ причинъ и слѣдствій, фантазіями людей и предполагаемыми неизбѣжными слѣдствіями этихъ фантазій, которая ввѣряетъ такимъ образомъ человѣческое мышленіе его собственному

*) Нельзя упрекать ни Геродота, ни Тита Ливія, ни Григорія Турскаго за то, что они заставляли Провидѣніе вмѣшиваться во всѣ человѣческія дѣла; но нужно ли говорить, что мы желали бы видѣть человѣческій умъ вернувшимся вовсе не къ идеѣ этого суевѣрнаго и ежедневнаго вмѣшательства Бога? **П. Ч.**

Нужно ли говорить, что мы не принимаемъ безъ оговорки, ни этого замѣчанія, ни теоріи, развиваемой въ текстѣ. **И. Г.**

закону; не постигая того, что именно въ разумѣ состоитъ безконечное превосходство этой части природы надъ другой и на ней дѣйствіе высшаго закона должно быть необходимо еще болѣе очевиднымъ, чѣмъ надъ другой *).

Посмотрите, сударыня, вотъ вамъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ примѣровъ ложности извѣстныхъ ходячихъ историческихъ представленій. Вы знаете, что изъ искусства широкую идею человѣческаго духа сдѣлали греки. Однако, въ чемъ состоитъ это великолѣпное созданіе ихъ генія? Все матеріальное въ человѣкѣ было идеализировано, воз-

---

*) Въ Римѣ, о которомъ столько говорятъ, который всѣ посѣщаютъ и который такъ мало понимаютъ, есть необыкновенный памятникъ, о которомъ можно сказать, что это событіе древности, длящееся до сихъ поръ, событіе другого времени, остановившееся среди вѣковъ: это—Колизей. По моему мнѣнію, въ исторіи вовсе нѣтъ событія, которое внушало бы столько глубокихъ идей, какъ видъ этихъ развалинъ, ярко выдѣляющихъ характеръ двухъ эпохъ человѣчества и показывающихъ эту великую аксіому исторіи, а именно, что не было никогда ни истиннаго прогресса, ни настоящаго постоянства въ обществѣ, до эпохи христіанства. Эта арена, куда римскій народъ массами сходился упиваться кровью, гдѣ весь языческій міръ такъ ясно показалъ себя въ этой ужасной игрѣ, гдѣ обнаруживалась вся жизнь тѣхъ временъ въ ея самыхъ живыхъ наслажденіяхъ, въ ея самыхъ блестящихъ торжествахъ, не стоитъ ли она тамъ передъ нами, чтобы сказать намъ, къ чему склонился міръ, объ эпохѣ, когда всѣ силы человѣческой природы были истрачены на постройку соціальнаго зданія, когда его паденіе возвѣщалось уже отовсюду, и когда готова была начаться новая эра варварства? Именно тамъ и задымилась впервые кровь, которая должна была оросить основаніе новаго зданія. Да и самъ по себѣ не стоитъ ли этотъ памятникъ цѣлаго тома? Но странное дѣло—онъ никогда не вдохновлялъ историческую мысль, полную заключающихся въ немъ великихъ истинъ! Между тучами путешественниковъ, наводняющихъ Римъ едва нашелся одинъ, уму котораго, когда онъ былъ на сосѣдней знаменитой возвышенности, откуда можно было наблюдать въ цѣломъ его поразительное мѣстоположеніе, предстали, какъ говоритъ онъ самъ, вѣка, развернувшіеся передъ его глазами, чтобы открыть ему загадку своего движенія.... Ну и что же! Онъ увидѣлъ только тріумфаторовъ и кануциновъ. Какъ будто бы ничего не происходило тамъ, кромѣ тріумфовъ и процессій? Мелкій и скудный взглядъ, которому мы обязаны лживымъ представленіемъ, извѣстнымъ всему міру; настоящая проституція одного изъ самыхъ прекрасныхъ историческихъ геніевъ, когда-либо существовавшихъ.

П. Ч.

величено, обожествлено; естественный и законный порядокъ былъ нарушенъ; то, что должно было находиться по своему происхожденію въ низшей области умственнаго міра, было поставлено на уровнѣ самыхъ высокихъ мыслей человѣка, дѣйствіе чувствъ на умъ было увеличено до безконечности, великая демаркаціонная линія, отдѣляющая въ умѣ божественное отъ человѣческаго была порвана. Отсюда хаотическое смѣшеніе всѣхъ моральныхъ элементовъ. Умъ бросился съ той же страстью на предметы, всего менѣе достойные вниманія, какъ и на предметы, которые ему всего важнѣе познать; равное вниманіе распространилось на всѣ области мысли; но вмѣсто первоначальной поэзіи ума и истины въ воображеніе проникла чувственная и лживая поэзія, и эта могучая способность, созданная, чтобы давать образъ не имѣющему образа и показать намъ невидимое, употребляется съ тѣхъ поръ только для того, чтобы сдѣлать осязательное еще болѣе осязательнымъ, земное еще болѣе земнымъ; такъ что случилось, что наше физическое бытіе росло настолько же, насколько нравственное становилось менѣе значительнымъ. И хотя мудрецы, какъ Пиѳагоръ и Платонъ боролись противъ этого пагубнаго стремленія духа ихъ времени, будучи сами охвачены болѣе или менѣе этимъ духомъ, ихъ усилія не послужили ни къ чему, и только послѣ того, какъ христіанство обновило человѣческій духъ, ихъ ученія получили истинное вліяніе. И такъ вотъ, что сдѣлало искусство грековъ. Что это—апоѳеозъ матеріи—этого нельзя отрицать. Но, развѣ такое пониманіе правильно? Отнюдь нѣтъ. Памятники, которые намъ отъ него остаются, разсматриваются безъ пониманія того, что они означаютъ; наслаждаются при видѣ этихъ удивительныхъ вдохновеній генія, котораго къ счастью нѣтъ болѣе на землѣ, не догадываясь только о томъ, что происходитъ въ сердцѣ нечистаго, въ умѣ ложнаго; это—культъ, опьяненіе, очарованіе, въ которые погружается цѣликомъ нравственное чувство. Нужно бы только хладнокровно отдать себѣ отчетъ въ чувствѣ, которымъ наполняются среди этого тупоумнаго восхищенія, чтобы понять, что его производитъ въ насъ самая низменная часть нашего существа; что мы постигаемъ, такъ сказать, своими тѣлами, эти тѣла, изъ мрамора и бронзы. И замѣтьте, вся красота, все совершенство

этихъ фигуръ происходитъ только отъ совершенной тупости, которую они выражаютъ; если бы хоть малѣйшій проблескъ разума осмѣлился проявиться въ ихъ чертахъ, чарующій насъ идеалъ исчезъ бы въ одно мгновеніе. Мы созерцаемъ даже не изображеніе разумнаго существа, а какое-то человѣческое животное, вымышленное существо, родъ чудовища, произведеннаго самымъ безпорядочнымъ извращеніемъ ума, воображеніе котораго очень далеко отъ того, чтобы насъ наполнить удовольствіемъ, а скорѣе должно бы насъ оттолкнуть. Вотъ какимъ образомъ самыя важныя вещи философіи вѣковъ искажаются и затемняются предразсудкомъ, этими школьными привычками, этой рутиной ума, этой прелестью обманчивыхъ иллюзій, которыя создаютъ вульгарное историческое представленіе.

Вы меня, можетъ быть, спросите, всегда ли былъ я самъ чуждъ этимъ обольщеніямъ искусства? Нѣтъ, сударыня, напротивъ: прежде даже, чѣмъ я ихъ узналъ, какой-то инстинктъ заставилъ меня ихъ предчувствовать, какъ прекрасныя очарованія, которыя должны наполнить мою жизнь. Когда одно изъ великихъ событій вѣка привело меня въ столицу, гдѣ завоеваніе собрало на короткое время столько чудесъ, я поступалъ, какъ другіе и даже съ большимъ благовѣніемъ, я бросилъ свои гиміамъ на алтарь идоловъ. Потомъ, когда я ихъ увидѣлъ во второй разъ при свѣтѣ ихъ родного солнца, я наслаждался ими съ упоеніемъ. Но по правдѣ сказать въ глубинѣ этого наслажденія скрывалось всегда что-то горькое, подобное угрызеніямъ совѣсти; такъ, когда пришла мысль объ истинѣ, я не возставалъ ни противъ одного изъ ея слѣдствій, я тотчасъ принялъ ихъ всѣ безъ уловокъ. Но вернемся, сударыня, къ тѣмъ великимъ историческимъ лицамъ, которыхъ, какъ я вамъ уже раньше говорилъ, исторія поставила, по моему мнѣнію, на не принадлежащія имъ мѣста въ памяти людей. Но у васъ, вѣроятно, нѣтъ еще полнаго представленія объ этомъ предметѣ, поэтому начнемте съ Моисея, самой гигантской и величественной изъ всѣхъ историческихъ фигуръ. Мы живемъ уже, слава Богу, не въ то время, когда великій законодатель евреевъ былъ, даже для тѣхъ, кто пускался въ размышленія, только однимъ изъ тѣхъ, принадлежащихъ къ міру фантазіи существъ, каковы всѣ эти герои, полу-

боги, пророки, которыхъ находятъ на первыхъ страницахъ всѣхъ исторій древнихъ народовъ, былъ поэтическимъ персонажемъ, въ которомъ историческая мысль старалась только открыть то, что онъ содержитъ поучительнаго въ качествѣ типа, символа или выраженія той эпохи, въ которую его помѣстили человѣческія преданія. Теперь нѣтъ никого, кто бы сомнѣвался въ исторической реальности Моисея. Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что атмосфера святости, которая окружаетъ его имя, вовсе не благопріятна для него и она мѣшаетъ ему занять принадлежащее ему мѣсто. Вліяніе, которое оказалъ этотъ великій человѣкъ на человѣческій родъ далеко еще не такъ понято и оцѣнено, какъ слѣдовало бы. Его физіономія слишкомъ покрыта таинственнымъ сумракомъ. Такъ какъ его недостаточно изучали, то Моисей не даетъ того урока, какой получается отъ созерцанія великихъ историческихъ личностей. Ни общественный дѣятель, ни частный человѣкъ, ни тотъ, кто мыслитъ, ни тотъ, кто дѣйствуетъ не находятъ въ исторіи его жизни всего поученія, какое въ ней заключается. Это слѣдствіе привычекъ, введенныхъ въ умъ религіей; придавая библейскимъ фигурамъ сверхчеловѣческій обликъ, эти привычки представляютъ ихъ совсѣмъ иными, чѣмъ каковы онѣ на самомъ дѣлѣ. *) Есть между прочимъ въ личности Моисея нѣкоторая особенная единственная въ своемъ родѣ смѣсь высоты и простоты, силы и добродушія, и, въ особенности, суровости и мягкости, о которыхъ, по моему мнѣнію, нельзя достаточно надуматься. Нѣтъ, я думаю, ни одного характера въ исторіи, который представлялъ бы соединеніе такихъ противоположенныхъ чертъ и силъ. И когда я думаю объ этомъ удивительномъ существѣ и о дѣйствіи, какое онъ

*) Замѣтьте, что въ сущности, библейскія лица должны бы были быть для насъ лучше знакомыми, потому что ничьи черты не обрисованы лучше. Въ этомъ одна изъ важнѣйшихъ силъ Писанія. Такъ какъ съ этими людьми нужно было отождествиться настолько, чтобы они дѣйствовали прямо на наше самое интимное чувство, чтобы приготовить такимъ образомъ душу къ подчиненію иначе (autrement) необходимому вліянію личности Христа, оно нашло секретъ такъ хорошо рисовать ихъ черты, что ихъ изображенія вырисовываются въ умѣ, производя на насъ впечатлѣніе людей, съ которыми мы жили въ тѣсномъ общеніи. [Ч

оказалъ на людей, я не знаю, долженъ ли я удивляться болѣе историческому явленію, которому онъ былъ причиной или моральному явленію, которое я нахожу въ его личности. Съ одной стороны, эта огромная мысль избраннаго народа, т. е. народа, облеченнаго высшей миссіей хранить на землѣ идею единаго Бога и это зрѣлище небывалыхъ способовъ, которыми онъ пользовался, чтобы поставить этотъ народъ въ такое положеніе, чтобы эта идея сохранилась среди него, не только нетронутой, но такой, чтобы однажды она могла предстать могущественной, непреодолимой, какъ сила природы, въ присутствіи которой всѣ человѣческія силы должны будутъ исчезнуть, которой все разумное въ мірѣ должно будетъ когда-нибудь подчиниться. Съ другой стороны, человѣкъ простой до слабости, человѣкъ который даетъ волю своему гнѣву только по своему безсилію, который можетъ приказывать только черезъ силу, который позволяетъ себя учить первому встрѣчному: странный геній, въ одно и то же время самый сильный и самый мягкій изъ людей! Онъ творитъ грядущія времена и подчиняется смиренно всему, что предлагается ему подъ видомъ истины; онъ говоритъ людямъ, будучи окруженъ сіяніемъ и его голосъ раздается черезъ вѣка и поражаетъ народы, какъ судьба и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уступаетъ первому движенію чувствительнаго сердца, первому справедливому доводу, который ему встрѣтится. Развѣ не заключается въ этомъ удивительнаго величія, единственнаго въ своемъ родѣ поученія?

Пытались унизить это величіе, говоря, что онъ вначалѣ думалъ только объ освобожденіи своего народа отъ невыноснмаго ярма, отдавая ему честь геронзма, который онъ выказалъ въ этомъ дѣлѣ. Дѣлаютъ видъ, будто видятъ въ немъ только великаго законодателя и теперь, я думаю, находятъ въ его законахъ удивительный либерализмъ. Говорятъ еще, что его Богъ только національный Богъ и что онъ взялъ всю свою теософію у египтянъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ патріотъ, и какимъ образомъ великая душа, каково-бы ни было ея призваніе на землѣ, могла бы быть не патріотической? Впрочемъ это—общій законъ: чтобы дѣйствовать на людей, нужно дѣйствовать въ домашнемъ кругу, гдѣ живешь, на соціальное семейство, въ которомъ родился; чтобы

говорить ясно человѣческому роду, слѣдуетъ обращаться къ своей націи, иначе не будешь услышанъ, не сдѣлаешь ничего. Чѣмъ болѣе моральное дѣйствіе человѣка на ему подобныхъ прямо и практично, тѣмъ оно вѣрнѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе въ рѣчи личнаго, тѣмъ она могущественнѣе. Ничто не даетъ лучше понять высшій принципъ, двигавшій этимъ великимъ человѣкомъ, чѣмъ полная дѣйствительность и цѣлесообразность средствъ, которыми онъ пользовался, чтобы выполнить поставленную имъ себѣ задачу. Можетъ быть также, что онъ нашелъ у своего народа или у другихъ народовъ идею національнаго Бога, и что онъ сдѣлалъ употребленіе изъ данной идеи, какъ и изъ столькихъ другихъ, которыя находилъ у своихъ естественныхъ предшественниковъ, чтобы ввести въ человѣческую мысль свой величественный монотеизмъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Іегова не былъ для него тѣмъ, чѣмъ онъ является для христіанъ— Богомъ всей земли. Чѣмъ болѣе онъ старался уединить и заключить эту великую догму въ своей націи, тѣмъ болѣе онъ употреблялъ необыкновенныя средства, чтобы достичь этой цѣли, тѣмъ болѣе открывается на протяженіи всей этой работы высшаго разума совершенно универсальная мысль сохранить для цѣлаго міра, для всѣхъ грядущихъ поколѣній, понятіе объ единомъ Богѣ. Развѣ для того, чтобы соорудить неприкосновенный алтарь истинному Богу среди политеизма, охватывавшаго тогда всю землю, онъ имѣлъ болѣе вѣрныя средства, чѣмъ внушить народу, хранителю святого памятника, расовое отвращеніе ко всякому языческому народу, связать этимъ единымъ принципомъ все соціальное бытіе этого народа, всѣ его судьбы, всѣ его воспоминанія, всѣ его надежды? Читайте Второзаконіе, имѣя въ виду эту мысль,—и вы будете поражены свѣтомъ, который засіяетъ оттуда не только на Моисееву систему, но и на всю откровенную философію.

Каждое слово этой необыкновенной книги показываетъ сверхчеловѣческую идею, господствовавшую надъ духомъ ея автора. Отсюда эти ужасныя истребленія по приказанію Моисея, находящіяся въ чрезвычайномъ противорѣчіи съ мягкостью его нрава и столь возмутившія философію еще болѣе пустую, чѣмъ нечестивую. Эта философія не понимала, что человѣкъ, который былъ столь чуднымъ оруді-

емъ въ рукѣ Провидѣнія, наперсникъ всѣхъ его тайнъ, могъ дѣйствовать только, какъ оно, только, какъ природа; что времена и поколѣнія не могли имѣть для него никоимъ образомъ значенія; что его миссія была не предложить образецъ справедливости и нравственнаго совершенства, но вмѣстить въ умъ человѣческій огромную идею, которую тотъ не могъ произвести изъ себя самого. Повѣрятъ ли, что, когда Моисей заглушалъ крикъ своего сердца, приказывая избивать народы и опуская на народъ мечъ божественной справедливости, онъ думалъ только колонизовать (coloniser) тупой и непослушный народъ, который онъ велъ? Поистинѣ превосходная психологія! Что она дѣлаетъ для того, чтобы подняться до истинной причины созерцаемаго ею явленія? Она избавляетъ себя отъ труда, сочетая въ одной и той же душѣ самыя противоположенныя черты, черты, совмѣщенія которыхъ въ одномъ индивидуумѣ никогда не было ни въ какомъ опытѣ!

И что за дѣло, въ концѣ концовъ, до того, что Моисей почерпнулъ нѣкоторыя свѣдѣнія въ египетской мудрости? Что изъ того, что сначала онъ думалъ лишь избавить свой народъ изъ-подъ ярма рабства? Развѣ изъ-за этого будетъ менѣе справедливымъ то, что, осуществляя въ этомъ народѣ мысль, заимствованную ли имъ со стороны или извлеченную изъ глубины его души и, окружая ее всѣми элементами сохраненія, постоянства, содержащимися въ человѣческой природѣ, далъ такимъ образомъ людямъ истиннаго Бога, слѣдовательно, что все умственное развитіе человѣческаго рода, вытекающее изъ этого принципа, несомнѣнно обязано ему?

Давидъ—одна изъ историческихъ личностей, черты которыхъ наилучше переданы! Нѣтъ ничего болѣе живого, болѣе драматичнаго, болѣе истиннаго, чѣмъ его исторія, ничего болѣе характернаго, чѣмъ его физіономія. Разсказъ объ его жизни, его величественныя пѣсни, гдѣ настоящее такъ удивительно теряется въ будущемъ, рисуютъ намъ такъ хорошо стремленіе его души, что ничего рѣшительно нѣтъ въ его существѣ, что было-бы отъ насъ сокрыто. Несмотря на это онъ производитъ впечатлѣніе героевъ Греціи и Рима только на глубоко религіозные умы. Это подтверждаетъ еще разъ, что всѣ великіе люди Библіи при-

надлежатъ нездѣшнему міру: ореолъ, который блеститъ на ихъ челѣ, удаляетъ ихъ всѣхъ къ несчастью въ область, куда умъ вовсе не любитъ переноситься, въ область тягостныхъ силъ, непоколебимо требующихъ подчиненія, въ область, гдѣ человѣкъ находится вѣчно передъ лицомъ неумолимаго закона, гдѣ ничего не остается дѣлать, какъ пасть ницъ передъ этимъ закономъ. И, однако, какъ постигнуть движеніе вѣковъ, если не изучать его тамъ, гдѣ производящій его принципъ проявляется наиболѣе явственно?

Противоставляя этимъ двумъ великанамъ Писанія Сократа и Марка Аврелія, я желалъ заставить васъ оцѣнить путемъ контраста столь различныхъ величинъ два міра, изъ которыхъ онѣ извлечены. Прочтите у Ксенофонта воспоминанія о Сократѣ, если можете безъ предвзятой мысли, связанной съ памятью о немъ; поразмыслите о томъ, что его смерть прибавила къ его славѣ; подумайте о его знаменитомъ демонѣ, подумайте о снисходительности къ пороку, выказываемой имъ подчасъ, надо сознаться, въ необыкновенной степени; *) подумайте о разныхъ обвиненіяхъ, которыя возводили на него его современники; подумайте объ этомъ словѣ, которое онъ произнесъ за минуту до смерти и которое передало потомству всю недостовѣрность (incertitude) его мысли; наконецъ, вдумайтесь во всѣ мнѣнія, расходящіяся, нелѣпыя, противорѣчивыя, вышедшія изъ его школы. Не относитесь суевѣрно также и къ Марку Аврелію; поразмыслите хорошенько объ его книгѣ, вспомните ліонское избіеніе, ужаснаго человѣка, которому онъ ввѣрилъ вселенную, время, когда онъ жилъ, высокое положеніе, какое онъ занималъ и все то величіе, какое это положеніе ему придавало. Потомъ, сравните, пожалуйста, результатъ философіи Сократа съ результатомъ религіи Моисея, личность римскаго императора съ личностью человѣка, который изъ пастуха сдѣлался царемъ, поэтомъ, мудрецомъ, олицетворилъ въ себѣ всеобъемлющую и таинственную мысль пророка-законодателя, который сдѣлался центромъ этого міра чудесъ, въ которомъ должны были свершиться

*) Если бы я писалъ не къ женщинѣ, я пригласилъ бы читателя, чтобы составить себѣ объ этомъ понятіе, прочитать „Пиръ" Платона.
П. Ч.

судьбы человѣческаго рода, который, вызывая въ концѣ концовъ въ своемъ народѣ стремленіе исключительно и глубоко религіозное, долженствовавшее поглотить все его существованіе, произвелъ такимъ образомъ на землѣ порядокъ вещей, который одинъ только сдѣлалъ возможнымъ произрожденіе истины въ здѣшнемъ мірѣ. Я не сомнѣваюсь, что вы согласитесь тогда, что если поэтическая мысль представляетъ намъ такихъ людей, какъ Моисей и Давидъ сверхчеловѣческими существами и окружаетъ ихъ особеннымъ блескомъ, то здравый смыслъ, какъ бы холоденъ онъ ни былъ, также не можетъ удержаться отъ взгляда на нихъ, какъ на нѣчто большее, чѣмъ просто на великихъ людей, на людей необыкновенныхъ, и вамъ покажется очевиднымъ, я думаю, что въ строѣ моральнаго міра эти люди были, конечно, явленіями, непосредственно вытекающими изъ верховнаго закона, управляющаго имъ, что ихъ появленіе соотвѣтствуетъ тѣмъ великимъ эпохамъ физическаго порядка, которыя время отъ времени передѣлываютъ и обновляютъ природу. *)

Затѣмъ идетъ Эпикуръ. Вы думаете, конечно, что я не придаю особенной важности репутаціи этой личности. Но нужно знать вамъ, во первыхъ, что въ своемъ матеріализмѣ онъ нисколько не отличается отъ идей другихъ древнихъ философовъ; только имѣя сужденіе болѣе свободное, болѣе послѣдовательное, чѣмъ большинство изъ нихъ, Эпикуръ не запутывался, какъ они, въ безконечныхъ противорѣчіяхъ. Языческій деизмъ ему казался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ—нелѣпостью; спиритуализмъ—обманомъ. Его физика, бывшая въ концѣ концовъ только физикой Демокрита, о которомъ Бэконъ сказалъ гдѣ-то, что онъ былъ единственный разумный физикъ среди древнихъ, не уступала физикѣ другихъ натуралистовъ его времени,

*) Совершенно просто объясняется огромная слава Сократа: онъ единственный человѣкъ, котораго видѣлъ древній міръ умирающимъ за убѣжденіе. Этотъ единственный примѣръ героизма мнѣнія долженъ былъ, на самомъ дѣлѣ, удивить своей необычайностью эти народы. Но для насъ, видѣвшихъ цѣлые народы, отдающіе жизнь за дѣло истины, не безуміе ли ошибаться, какъ они, на его счетъ. П. Ч.

и что касается до его теоріи атомовъ, если изъ нея устранить метафизику, нынѣ, когда молекулярная философія сдѣлалась столь позитивной, она вовсе не такъ смѣшна, какъ говорили о ней. Но его имя, какъ извѣстно, связано главнымъ образомъ съ его теоріей морали, и она то его заклеймила! Однако мы судимъ о его морали лишь по распутству его секты и по болѣе или менѣе произвольнымъ толкованіямъ, которыя дѣлали относительно нея послѣ него; что же до его собственныхъ сочиненій, вы знаете, что ихъ не существуетъ болѣе. Позволительно, безъ сомнѣнія, Цицерону дрожать передъ однимъ именемъ наслажденія; но сравните, пожалуйста, эту мораль, столь обезславленную съ такой, какъ ее нужно понимать, главнымъ образомъ по тому, что мы знаемъ о самой личности ея творца, и отвлекаясь отъ дѣйствія, какое она оказала на языческій міръ, имѣя въ виду, что этотъ результатъ принадлежитъ въ гораздо большей степени общему положенію человѣческаго духа въ тѣ времена, чѣмъ самому этому ученію; сравните ее, говорю я, съ другими моральными системами древности и вы найдете, что не будучи ни столь высокомѣрной, ни столь суровой, ни столь непримѣнимой, какъ система стоиковъ, ни столь неопредѣленной, туманной и безсильной, какъ система платониковъ, она была сердечной, благосклонной, человѣчной,—однимъ словомъ она содержала въ себѣ нѣчто близкое къ христіанской морали. Нельзя не признать, что былъ въ этой философіи свойственный ей элементъ, котораго совершенно не доставало практической мысли древнихъ, элементъ единенія, связи, благоволенія между людьми. Былъ въ ней, въ особенности, здравый смыслъ и отсутствіе гордости, чего не находимъ ни въ одной изъ современныхъ философій. Впрочемъ она полагала высшее благо въ душевномъ мирѣ и мягкой радости, отражающихъ на землѣ небесное счастье боговъ. Самъ Эпикуръ далъ примѣръ этого мирнаго существованія; онъ прожилъ почти неизвѣстнымъ на лонѣ самыхъ тихихъ привязанностей и изученія. Если бы его мораль могла укрѣпиться въ умѣ народовъ, не позволяя искажать себя порочнымъ началомъ, господствовавшимъ тогда надъ міромъ, то безъ всякаго сомнѣнія она распространила бы въ сердцахъ мягкость и человѣчность, которую не могли распространить ни хва-

стливая мораль Портика, *) ни мечтательное умозрѣніе академиковъ. Обратите, пожалуйста, вниманіе еще на то, что Эпикуръ единственный между мудрецами древности, нравы коего были совершенно безупречны и единственный, воспоминаніе о которомъ смѣшивалось у его учениковъ съ любовью, съ почитаніемъ, граничащимъ съ культомъ. **) Вы понимаете теперь, почему мы должны были стараться исправить немного наше представленіе объ этомъ человѣкѣ.

Мы не вернемся къ Аристотелю. Хотя это одна изъ самыхъ важныхъ главъ современной исторіи, но и слишкомъ большой предметъ, чтобы трактовать о немъ только мимоходомъ. Вы замѣтите только, что Аристотель въ нѣкоторомъ родѣ есть созданіе новаго духа. Естественно, что въ своей юности новый разумъ, волнуемый громадной потребностью познанія, привязался всѣми силами къ этому механику мышленія, который съ помощью своихъ рукоятокъ, рычаговъ, блоковъ заставилъ мышленіе идти съ чудесной быстротой. И онъ былъ очень простъ такъ же, какъ и арабы, которые откопали его первые и которымъ онъ такъ пришелся по вкусу. Этотъ народъ, явившійся безъ подготовки, не имѣлъ ничего своего, за что бы могъ держаться—поэтому готовая мудрость должна была естественнымъ образомъ ему нравиться. Наконецъ все это прошло: арабы, схоластики и ихъ общій учитель -всѣ они выполнили свои различныя назначенія. Отъ этого умъ получилъ болѣе прочное основаніе, больше увѣренности въ себѣ, его ходъ сдѣлался отъ этого болѣе твердымъ, онъ выработалъ пріемы, облегчающіе его движенія и ускоряющіе его процессы. Все сдѣлалось къ лучшему, какъ видите, зло обратилось въ добро, благодаря силамъ и свѣточамъ, скрытымъ отъ новаго разума. Теперь слѣдуетъ вернуться назадъ, нужно снова итти по широкимъ дорогамъ тѣхъ временъ, когда мышленіе не имѣло въ своемъ распоряженіи другихъ инструментовъ, кромѣ золотыхъ и лазоревыхъ крыльевъ своей ангельской природы.

Перейдемъ къ Магомету. Если подумать о благѣ, какое произошло отъ религіи для человѣчества, во первыхъ, пото-

*) Стоическая мораль. Прим. Ред. Пер.

**) Пиоагоръ не представляетъ исключенія. Это была баснословная личность, которой приписывали все, что хотѣли. П. Ч.

му, что съ другими болѣе могущественными причинами она содѣйствовала уничтоженію политеизма, затѣмъ потому, что она распространила на громадное пространство земного шара вплоть до климатовъ, считавшихся недостижимыми для общаго движенія ума, идею единаго Бога и всеобщей вѣры, что она приготовила такимъ образомъ громадное множество народовъ къ окончательнымъ судьбамъ человѣческаго рода— нельзя не признать, что, несмотря на дань, которую, безъ сомнѣнія, этотъ великій человѣкъ заплатилъ своему времени, мѣстамъ, гдѣ онъ родился, онъ заслуживаетъ со стороны людей несравненно болѣе уваженія, чѣмъ эта толпа безполезныхъ мудрецовъ, не сумѣвшихъ ни придать плоти и жизни ни одному изъ продуктовъ своего воображенія, ни наполнить хоть одно сердце твердымъ убѣжденіемъ; они только и дѣлали, что раздѣляли человѣческое существо, вмѣсто того, чтобы стараться соединить раздѣленные элементы его природы. Исламъ есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій общаго закона; судить иначе—значитъ не признавать всеобщаго вліянія христіанства, отъ котораго онъ происходитъ. Самое существенное свойство нашей религіи—есть способность принимать самыя различныя формы религіознаго разума, умѣнье сочетаться, когда это нужно, даже съ заблужденіемъ, чтобы достичь цѣльнаго результата. Въ великомъ историческомъ развитіи откровенной религіи, религія Магомета должна быть необходимо разсматриваема, какъ одна изъ ея вѣтвей. Самый исключительный догматизмъ не долженъ мѣшать принятію этого факта, и онъ, конечно, сдѣлалъ бы это, если бы далъ когда-нибудь себѣ хорошенько отчетъ въ томъ, что насъ заставляетъ смотрѣть на магометанъ, какъ на естественныхъ враговъ нашей религіи, ибо отсюда только и происходитъ предразсудокъ *). Вы знаете,

*) Вначалѣ магометане не питали никакой антипатіи къ христіанамъ; лишь послѣ цѣлаго ряда долгихъ войнъ другъ съ другомъ, между ними установились отношенія ненависти и презрѣнія. Что касается до христіанъ, то они естественно смотрѣли на магометанъ сначала какъ на язычниковъ, потомъ какъ на враговъ своей религіи, каковыми они дѣйствительно и сдѣлались. **П. Ч.**

Строго говоря, можно, конечно, разсматривать магометанство, какъ христіанскую секту, какъ аріанство, напримѣръ; но невозможно допустить, чтобы когда-нибудь истина сочеталась съ заблужденіемъ. **И. Г.**

впрочемъ, что нѣтъ почти ни одной главы въ коранѣ, гдѣ не было бы вопроса объ Іисусѣ Христѣ. Однако, нѣтъ вовсе яснаго понятія о великой проблемѣ искупленія, не понимаютъ ничего въ тайнѣ царствія Христова, пока не видятъ дѣйствія христіанства повсюду, гдѣ произносится одно лишь имя Спасителя, пока не замѣчаютъ вліянія, оказываемаго имъ на всѣ умы, которые, какимъ бы то ни было способомъ, находятся въ соприкосновеніи съ его ученіемъ; иначе нужно бы было исключить изъ числа тѣхъ, которые пользуются благодѣяніемъ искупленія, цѣлыя множества тѣхъ, кто носитъ имя христіанъ: не значило-бы это обратить царство Іисуса Христа въ ничто и всеобщность христіанства въ смѣшной частный фактъ? *)

Будучи результатомъ религіознаго броженія, вызваннаго на Востокѣ появленіемъ новой религіи, магометанство находится на первомъ планѣ среди того, что по первому взгляду не связано съ христіанствомъ, но что въ дѣйствительности несомнѣнно изъ него вытекаетъ. Такъ что, кромѣ отрицательнаго дѣйствія, какое магометанство имѣло на образованіе христіанскаго общества, смѣшивая частные интересы народовъ съ интересами общаго блага, сверхъ многочисленныхъ матеріаловъ, которыми арабская цивилизація наградила нашу (на все это слѣдуетъ смотрѣть, какъ на косвенныя пути, которыми воспользовалось Провидѣніе, чтобы свершить возрожденіе человѣческаго рода въ свойственномъ ему дѣйствіи на духъ подчиненныхъ ему народовъ)—надо еще признать прямое дѣйствіе того ученія, изъ котораго магометанство вытекаетъ и которое въ магометанствѣ лишь примѣнилось къ нѣкоторымъ потребностямъ мѣстнымъ или временнымъ для того, чтобы распространить на болѣе обширное пространство посѣвъ истины. Счастливы, безъ сомнѣнія, тѣ, которые служатъ Господу съ пониманіемъ и убѣжденіе! Но не забудемъ, что въ мірѣ есть безконечное множество силъ, послушныхъ голосу Христа, которыя не имѣютъ никакого свѣдѣнія о верховной власти, приведшей ихъ въ движеніе.

*) Мысль выражена слишкомъ рѣзко, но ея основа не противорѣчитъ истинѣ. И. Г.

Намъ остается только Гомеръ. Вопросъ о вліяніи Гомера на человѣческій умъ—вопросъ совершенно теперь рѣшенный. Прекрасно извѣстно нынче, что такое гомеровская поэзія; извѣстно, какимъ образомъ она способствовала установленію греческаго характера, который, въ свою очередь, установилъ характеръ всего древняго міра; извѣстно, что эта поэзія заняла мѣсто другой, болѣе высокой, болѣе чистой, отъ которой сохранились только отрывки; извѣстно также, что она подмѣнила новымъ порядкомъ идей иной порядокъ идей, рожденный не на греческой почвѣ и что первоначальныя идеи, отвергнутыя новой мыслью, скрывшіяся либо въ мистеріяхъ Самоѳракіи, либо подъ сѣнью другихъ святилищъ затерянныхъ истинъ, существовали съ тѣхъ поръ только для небольшого числа избранныхъ или адептовъ*); но что, я думаю, вовсе неизвѣстно, такъ это то, что Гомеръ можетъ имѣть общаго съ временемъ, когда мы живемъ, что остается отъ него въ каѳолическомъ сознаніи (intelligence universelle). Вотъ въ чемъ дѣйствительно интересъ истинной философіи исторіи, ея главная задача же заключается, какъ вы видѣли, въ томъ, чтобы искать продолжительныхъ результатовъ и вѣчныхъ дѣйствій историческихъ явленій.

Что же касается насъ, Гомеръ только Тифонъ или Ариманъ современнаго міра, каковымъ онъ былъ и въ созданномъ имъ самимъ мірѣ. На нашъ взглядъ, пагубный героизмъ страстей, грязный идеалъ красоты, необузданное влеченіе къ землѣ—все это приходитъ къ намъ отъ Гомера. Замѣтьте, что никогда не было ничего такого въ другихъ цивилизованныхъ обществахъ міра. Только греки рѣшались такъ идеализировать и обожествлять порокъ и преступленіе; поэзія зла находилась всегда среди нихъ и среди народовъ, унаслѣдовавшихъ ихъ цивилизацію. Въ средніе

*) Дѣйствіе гомеровской поэзіи естественнымъ образомъ сливается съ дѣйствіемъ греческаго искусства, потому что она служитъ его типомъ; то есть, что она создала искусство и что греческое искусство продолжило ея дѣйствіе. Впрочемъ, существовалъ ли такой человѣкъ, какъ Гомеръ или нѣтъ,—совершенно безразлично; историческая критика не сможетъ никогда уничтожить память о Гомерѣ; вѣдь философа, должна занимать идея, связанная съ этимъ воспоминаніемъ, а не сама личность поэта. П. Ч.

вѣка можно ясно видѣть, какое направленіе принимала мысль христіанскихъ народовъ, если она предавалась всецѣло рукѣ, которая указывала ей путь. Эта поэзія не могла прійти къ намъ отъ нашихъ сѣверныхъ предковъ: духъ сѣверянъ созданъ совершенно иначе и всего менѣе стремится къ землѣ; если бы онъ одинъ только былъ соединенъ съ христіанствомъ, то онъ потерялся бы скорѣе въ туманныхъ волнахъ своего мечтательнаго воображенія. Впрочемъ, у насъ нѣтъ болѣе той крови, которая текла въ ихъ жилахъ, и мы пойдемъ искать жизненныхъ уроковъ совсѣмъ не у народовъ, описанныхъ Цезаремъ и Тацитомъ, а среди народовъ Гомерова міра.

Наше собственное прошлое началось лишь нѣсколько дней назадъ; лишь за этотъ періодъ мы можемъ возвратиться въ лоно семейства и отыскивать мало по малу наслѣдіе нашихъ отцовъ. Отъ народовъ сѣвера мы унаслѣдовали только привычки, традиціи; умъ питается только знаніемъ, самыя застарѣлыя привычки теряютъ силу, самыя вкоренившіяся традиціи пропадаютъ, когда онѣ не соединяются сознаніемъ. Всѣ же наши идеи, исключая идей религіозныхъ, идутъ къ намъ, конечно, отъ грековъ и римлянъ.

Такимъ образомъ гомеровская поэзія, ранѣе отклонившая теченіе мыслей, привязывавшихъ людей къ великимъ днямъ творенія, на античномъ Западѣ, сдѣлала тоже самое и на Западѣ новомъ; перейдя къ намъ съ наукой, философіей, литературой древнихъ, она насъ такъ отождествила съ ними, что мы такими, какъ сейчасъ, висимъ между міромъ лжи и міромъ истины. Хотя нынче занимаются Гомеромъ очень мало и, навѣрное, не читаютъ его вовсе, его боги и герои ведутъ еще не менѣе жестокую борьбу съ христіанской мыслью. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ поразительное обольщеніе заключается въ этой поэзіи, совсѣмъ земной, совсѣмъ матеріальной, удивительно мягкой къ порочности нашей природы, ослабляющей фибры разума, приковывающей къ своимъ призракамъ и кумирамъ, убаюкивающей и усыпляющей его своими могучими иллюзіями. Но пока глубокое моральное чувство, обусловленное яснымъ взглядомъ на всю древность и полнымъ поглощеніемъ духа христіанскою истиной, не наполнитъ сердца негодованіемъ и отвращеніемъ къ этимъ вѣкамъ заблужденія и

безумства, которые еще такъ давятъ на насъ, къ вѣкамъ, представляющимъ настоящія сатурналіи въ жизни человѣчества, пока нѣкоторое сознательное раскаяніе не заставитъ насъ краснѣть за безсмысленный культъ, который мы слишкомъ долго расточали этому отвратительному величію, этимъ ужаснымъ добродѣтелямъ, этой нечистой красотѣ, до этихъ поръ старыя бурныя впечатлѣнія не перестанутъ составлять самаго жизненнаго и самаго активнаго элемента нашего разума. Что до меня касается, то я думаю что для того, чтобы совершенно возродиться согласно съ откровеннымъ разумомъ, намъ не достаетъ нѣкотораго великаго покаянія, нѣкотораго всемогущаго искупленія, которое глубоко почувствовали бы всѣ безъ исключенія христіане, которое испытали бы всѣ, какъ великую физическую катастрофу на поверхности нашего міра; я не постигаю, какимъ образомъ, безъ этого, мы сможемъ избавиться отъ грязи, оскверняющей еще нашу память. *) Вотъ какимъ способомъ философія исторіи должна относиться къ „гомеризму". Судите по этому, какимъ взоромъ она должна смотрѣть на Гомера. Посмотрите, удержится ли она на этомъ основаніи отъ того, чтобы не заклеймить его чело печатью неизгладимаго позора!

Ну вотъ, сударыня, мы ужъ въ концѣ нашей галереи. Я не сказалъ вамъ всего, что намѣревался, но пора кончить. Однако, знаете что? Мы русскіе, въ сущности, не имѣемъ ничего общаго съ Гомеромъ, греками, римлянами, германцами; все это намъ совершенно чуждо. Но что вы хотите! Приходится говорить языкомъ Европы. Наша чужеземная цивилизація насъ такимъ образомъ прислонила къ Европѣ, что, хотя у насъ нѣтъ ея идей, мы не имѣемъ другого языка, кромѣ ея: мы вынуждены говорить на немъ. Если малое число духовныхъ привычекъ, традицій, воспоминаній, которыми мы владѣемъ, если наши предки не

*) Истинно добрая судьба нашего времени—эта новая область, съ недавнихъ поръ открывшаяся историческому размышленію, которое не заражено духомъ Гомера (l'homérisme). Уже вліяніе идей Инда на ходъ философіи принесло большую пользу. Дай Богъ, чтобы мы пришли возможно скорѣе этой непрямой дорогой къ исходной точкѣ, куда болѣе короткая дорога не могла до сихъ поръ насъ привести. П. Ч.

соединяютъ насъ ни съ однимъ народомъ земли, если мы не принадлежимъ, въ сущности, ни къ какой изъ системъ нравственнаго міра, то своей общественной поверхностью мы примыкаемъ, однако, къ міру Запада. Эта связь, очень слабая по правдѣ сказать, не соединяя насъ съ Европой такъ тѣсно, какъ это думаютъ, ни давая намъ во всемъ нашемъ существѣ ощущенія происходящаго тамъ великаго движенія, ставитъ, однако, въ зависимость наши будущія судьбы отъ судебъ европейскаго общества. Такимъ образомъ чѣмъ болѣе мы будемъ стараться слиться съ ней, тѣмъ больше мы изъ этого извлечемъ. Мы жили до сихъ поръ совершенно одни; то, чему мы научились отъ другихъ осталось на поверхности насъ, какъ простая декорація, не проникнувъ въ глубину нашихъ душъ; нынче силы *господствующаго общества* такъ возросли, его дѣйствіе на остальную часть человѣческаго рода охватило столько въ пространствѣ, что скоро мы будемъ унесены во всемірный вихрь и душой и тѣломъ. Это несомнѣнно, и навѣрное мы не сможемъ оставаться дольше въ нашей пустынѣ. Сдѣлаемъ же все, что можемъ, чтобы приготовить дорогу нашимъ потомкамъ. Не будучи въ состояніи оставить имъ того, чего у насъ самихъ не было: вѣрованій, разума, созданнаго временемъ, сильно обрисованной личности, мнѣній, развившихся въ теченіе долгой умственной жизни, одушевленной, активной, плодотворной въ своихъ результатахъ,— оставимъ имъ по меньшей мѣрѣ нѣсколько идей, которыя, хотя мы ихъ и не сами нашли, тѣмъ не менѣе передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, будутъ во всякомъ случаѣ обладать до извѣстной степени способностью создавать традицію и поэтому будутъ обладать даже нѣкоторымъ могуществомъ, нѣкоторою плодотворностью—во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ наши собственныя мысли. Такимъ образомъ мы окажемъ большую услугу потомству, мы не безполезно проживемъ на землѣ.

До свиданія, сударыня. Отъ васъ лишь будетъ зависѣть заставить меня снова взяться за этотъ предметъ, когда вамъ будетъ угодно. Впрочемъ, къ чему въ интимной бесѣдѣ, когда такъ хорошо слушается, отдѣлывать и исчерпывать всякую идею? Если сказаннаго мною, будетъ вамъ достаточно для того, чтобы почерпнуть нѣчто новое изъ

изученія исторіи, какой-нибудь интересъ болѣе глубокій, чѣмъ какой находятъ въ ней обыкновенно,—большаго и не требуется. *)

Некрополисъ, 1829, 16 февраля.

Четвертое письмо.

(Объ архитектурѣ).

Вы находите, говорите вы, особенное сходство между характеромъ египетской и старо-германской архитектуры, называемой обыкновенно готической и вы спрашиваете меня, откуда происходитъ это сходство, что общаго, въ сущности, между пирамидой фараоновъ и стрѣльчатымъ сводомъ, между капрскимъ обелискомъ и шпилемъ храмовъ Запада? Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ поразительная аналогія между этими двумя фазами искусства, совершенно отдѣленными другъ отъ друга въ теченіе тридцати вѣковъ и даже болѣе, и я совсѣмъ не удивляюсь, что вы пришли къ этому интересному сближенію, ибо оно вытекало нѣкоторымъ образомъ изъ точки зрѣнія, на которую становимся мы оба: вы и я, и съ

---

*) Отдавая эти письма въ печать, мы, можетъ быть, должны были просить у читателя снисхожденія къ слабости, т. е. неправильности стиля. Мы пишемъ на иностранномъ языкѣ и не имѣемъ никакихъ литературныхъ притязаній, но знаемъ, конечно, чего намъ не достаетъ въ этомъ отношеніи. Но, во первыхъ, мы надѣемся, что въ наше время свѣдущій читатель не придаетъ, какъ нѣкогда, формѣ большаго значенія, чѣмъ слѣдуетъ и не преминетъ положить немного труда, чтобы извлечь мысль, если она ему покажется того заслуживающей, изъ глубины изложенія, какъ бы несовершенно оно ни было. Затѣмъ мы полагаемъ, что нынче болѣе, чѣмъ когда либо цивилизація требуетъ, чтобы идеи распространялись подъ какой бы то ни было формой и что бываютъ такія случаи, такія общественныя положенія, когда человѣкъ, вообразившій себѣ, что у него есть нѣчто, о чемъ нужно извѣстить человѣческій родъ, не имѣетъ выбора: нужно, чтобы онъ говорилъ на языкѣ всѣмъ понятномъ, хотя бы онъ говорилъ на смѣшномъ провинціальномъ нарѣчіи. Наконецъ, мы полагаемъ, что литературный міръ теперь слишкомъ великодушенъ, чтобы наложить на всѣхъ своихъ подданныхъ всѣхъ климатовъ и всѣхъ широтъ оффиціальный языкъ своего академическаго трибунала и что ему мало дѣла до того, хорошо ли говорятъ или дурно,—лишь бы говорили истину. Вотъ на что мы расчитывали. **П. Ч.**

которой мы созерцаемъ исторію человѣчества. И прежде всего, замѣтьте, пожалуйста, эту геометрическую фигуру—треугольникъ,—обрамляющую эти два стиля и такъ хорошо ихъ обрисовывающую. Вотъ, что я могу сказать объ ихъ пластической природѣ, объ ихъ внѣшней формѣ. Разсмотрите затѣмъ этотъ характеръ безполезности или, если хотите, характеръ простого монумента, присущій одинаково имъ обоимъ.

Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключается ихъ внутренняя идея, то, что составляетъ въ сущности общій обоимъ характеръ. Но вотъ, что очень любопытно. Поставьте противъ вертикальной линіи этихъ архитектуръ горизонтальную линію архитектуры эллинской, и вы превосходно охарактеризуете различные типы всѣхъ архитектуръ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Это широкая антитеза дастъ вамъ самую глубокую черту каждой эпохи, каждаго мѣста, гдѣ она проявится. Въ греческомъ стилѣ, также какъ и во всѣхъ тѣхъ, которые къ нему болѣе или менѣе приближаются, вы найдете жилище, домъ, влеченіе къ землѣ и ея радостямъ; въ египетскомъ или готическомъ стилѣ—монументъ, мысль, порывъ къ небу и небесному блаженству; греческій стиль со всѣми происходящими изъ него стилями имѣетъ отношеніе къ матеріальнымъ потребностямъ человѣка, тѣ два къ духовнымъ; архитектура пирамидъ носитъ священный и небесный характеръ, горизонтальная же свѣтскій и земной. Не заключается ли въ этомъ, скажите, всей исторіи человѣческой мысли, влекущейся сначала въ своей дѣвственной природѣ къ небу, а потомъ пресмыкающейся по землѣ въ состояніи своей испорченности и вновь брошенной къ небу всемогущей рукою Спасителя міра!

Нужно замѣтить, что архитектура, которую можно видѣть и понынѣ по берегамъ Нила, положительно самая древняя въ мірѣ. Существуетъ, правда, древность еще болѣе отдаленная, но не для искусства. Циклопическія постройки, напримѣръ,—между прочимъ постройки въ Индостанѣ, самыя обширныя въ этомъ родѣ, только нащупываютъ идеи искусства, а вовсе еще не составляютъ искусства въ собственномъ смыслѣ. Можно слѣдовательно съ полнымъ основаніемъ разсматривать памятники Египта, какъ первые типы прекрасной архитектоники и первые элементы искусства вообще. Искус-

ство египетское и готическое помѣщены слѣдовательно на двухъ крайнихъ пунктахъ пути, пройденнаго человѣчествомъ, и нельзя не признать въ этой тождественности между изначальной мыслью человѣка и мыслью на рубежѣ его конечныхъ судебъ чудеснаго цикла, обнимающаго всѣ прошедшія времена и, можетъ быть, даже грядущія.

Но между различными формами, какія принимало искусство въ своемъ развитіи, одна заслуживаетъ съ нашей точки зрѣнія особеннаго упоминанія—именно готическая обзорная башня (beffroi), величественное вдохновеніе важнаго и вдумчиваго христіанства Сѣвера, въ которой, кажется, цѣликомъ выражена вся идея христіанскаго начала. Немного словъ будетъ достаточно, чтобы заставить васъ оцѣнить ея значеніе въ области искусства. Вы знаете, какъ прозрачная атмосфера полуденныхъ странъ, ихъ чистое небо и все вплоть до ихъ обезцвѣченной растительности способствуетъ рельефности памятниковъ Греціи и Рима. Прибавьте сюда эту толпу прелестныхъ воспоминаній, вращающихся, группирующихся вокругъ нихъ и окружающихъ ихъ такимъ очарованіемъ, такими иллюзіями, и у васъ будутъ элементы, изъ которыхъ состоитъ ихъ поэзія. Но откуда идетъ поэзія готической башни, имѣющей въ своей исторіи только темную легенду, разсказанную у огня маленькимъ дѣтямъ старой бабушкой, совершенно одинокой, печальной, не воспринимающей ничего изъ окружающаго? Вокругъ нея видны только лачуги да облака -вотъ и все. Ея очарованіе слѣдовательно все въ ней самой. Не говоритъ ли она о сильной и прекрасной мысли, рвущейся одиноко къ небу; не земная обыденная мысль, но чудесная интуиція, не связанная съ землею ни причиной, ни происхожденіемъ, васъ поднимаетъ изъ этого міра и переноситъ въ міръ лучшій!

Наконецъ вотъ черта, которая окончательно выразитъ нашу мысль. Колоссы Нила такъ же, какъ и храмы Запада представляются намъ сначала простыми декораціями. Спрашивается, почему это? Но, если вы вглядитесь въ нихъ, найдете, что въ нихъ есть рѣшительно тѣ же красоты природы. На самомъ дѣлѣ, зрѣлище усѣяннаго звѣздами свода небеснаго, бѣшеннаго океана, цѣпи горъ, покрытыхъ вѣчными льдами; африканская пальма, качающаяся въ пустынѣ; въ Англіи дубъ, отражающійся въ озерѣ; всѣ самыя вели-

чественныя картины природы—все самое плѣнительное—не рождаютъ въ умѣ сначала никакой мысли объ ихъ полезности, будятъ въ первый моментъ совершенно безкорыстныя мысли; полезность въ нихъ, конечно, есть, но она бываетъ скрыта при первомъ взглядѣ и только позднѣе открывается размышленію. Такимъ образомъ обелискъ не бросающій даже достаточно тѣни для того, чтобы укрыть васъ на минуту отъ жара почти тропическаго солнца, не служитъ ни къ чему, но онъ заставляетъ васъ поднять глаза къ небу; точно также и большая церковь христіанскаго міра, когда въ сумеречный часъ вы бродите подъ ея огромными сводами, и глубокія тѣни уже охватили всю внутренность церкви. тогда какъ стекла купола горятъ еще послѣдними лучами заходящаго солнца, васъ удивляетъ скорѣе то, что она не чаруетъ васъ своими сверхчеловѣческими размѣрами; но эти размѣры говорятъ вамъ, что человѣку для почитанія Бога, поставлено задачей возвыситься до величія самой природы *). Наконецъ, когда мягкимъ лѣтнимъ вечеромъ, прогуливаясь вдоль по Рейнской долинѣ, вы приближаетесь къ одному изъ старинныхъ средневѣковыхъ городовъ, смиренно пріютившихся у подножія ихъ огромнаго собора и когда дискъ луны плыветъ уже въ туманѣ по коньку великана, почему этотъ великанъ стоитъ тамъ передъ вами? Но, можетъ быть, васъ вдохновитъ какая-нибудь благочестная, набожная и глубокая мечта; можетъ быть, вы падете ницъ съ новымъ жаромъ передъ Богомъ этой могущественной поэзіи; можетъ быть, наконецъ, свѣтозарный лучъ, исходящій отъ вершины памятника, проникнетъ окружающій васъ мракъ и, освѣщая внезапно пройденный вами путь, изгладитъ темный слѣдъ жизни, полной ошибокъ и заблужденій. Вотъ почему онъ предъ вами, этотъ великанъ.

Послѣ этого идите въ Пестумъ и также спросите себя о вашихъ ощущеніяхъ. Вотъ, что съ вами случится: всѣ слабости, всѣ прелести языческаго міра, приявъ свои самыя обольстительныя формы, внезапно станутъ толпой

*) Мы нарочно сопоставили Святого Петра въ Римѣ съ готическими храмами, ибо, по нашему мнѣнію, хотя составленные изъ различныхъ элементовъ, они порождены однимъ и тѣмъ же принципомъ, носятъ на себѣ и его печать.

вокругъ васъ и увлекутъ своимъ фантастическимъ сплетеніемъ; всѣ воспоминанія вашихъ безумнѣйшихъ наслажденій, вашихъ самыхъ жаркихъ порывовъ, проснутся въ вашихъ чувствахъ и тогда, забывъ ваши самыя искреннія вѣрованія, ваши самыя интимныя убѣжденія, вы будете обожать, помимо вашей воли, всѣми фибрами вашего земного существа, нечистыя силы, которымъ такъ долго въ опьянѣніи своего тѣла и души поклонялся человѣкъ. Вѣдь даже самый прекрасный греческій храмъ не говоритъ намъ о небѣ; вѣдь пріятное чувство, какое намъ внушаютъ эти прекрасныя пропорціи, имѣетъ только цѣлью заставить насъ полнѣе вкусить земныя наслажденія; храмы древнихъ были, въ сущности, лишь прекрасными жилищами, воздвигнутыми для ихъ героевъ, сдѣлавшихся богами, тогда какъ церкви являются настоящими религіозными памятниками. Что до меня касается, я признаю это также, я испыталъ въ тысячу разъ болѣе счастья у подножія Страсбургскаго собора, чѣмъ передъ Пантеономъ или даже по срединѣ Колизея, величественнаго свидѣтеля двухъ величайшихъ славъ человѣчества: владычества Рима и рожденія христіанства. Госпожа Сталь сказала гдѣ-то, говоря о музыкѣ, что она одна является прекрасной безполезностью и, что поэтому она насъ такъ глубоко волнуетъ. Вотъ наша мысль, выраженная на языкѣ генія; мы только указали для другой области этотъ самый принципъ. Во концѣ концовъ несомнѣнно, что красота и благо исходятъ изъ одного источника, что они повинуются одному и тому же закону, что они являются таковыми лишь потому, что не приносятъ выгоды, что исторія искусства, наконецъ, есть не что иное, какъ символическая исторія человѣчества.

—

Къ первому философическому письму.

На стр. 11-й, строкѣ 18-й сверху пропущено въ русскомъ переводѣ 1-го философическаго письма, помѣщеннаго въ „Телескопѣ“, слѣдующее мѣсто, находящееся въ Гагаринскомъ изданіи „Oeuvres choisies“, пропускъ котораго въ русскомъ переводѣ, въ этомъ мѣстѣ, имъ не отмѣченъ:

„Напротивъ даже оно (la Providence), кажется, нисколько не занималось нашей судьбой. Прекратило по отношенію къ намъ свое благодѣтельное дѣйствіе на человѣческій духъ. Оно предоставило насъ вполнѣ самимъ себѣ, оно не желало ни во что у насъ вмѣшиваться, ничему не желало насъ учить".

Отъ переводчика.

Герценъ въ „Быломъ и Думахъ" („Полярная Звѣзда" 1857 г., стр. 143) разсказывая о смерти Е. Д. Левашевой, отдавая должное этой женщинѣ, которая „принадлежала къ тѣмъ удивительнымъ явленіямъ русской жизни, которыя мирятъ съ нею, которыхъ все существованіе подвигъ", приводитъ мнѣніе о ней Чаадаева. „Она взошла любовью", сказалъ мнѣ Чаадаевъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей ея, посвятившій ей свое знаменитое письмо о Россіи". Но самъ П. Я. Чаадаевъ въ письмѣ къ моск. оберъ-полиц. Цынскому (Вѣст. Евр. 1871, ноябрь) утверждаетъ прямо, что письмо было написано имъ къ Ек. Дм. Пановой. Вотъ, что онъ пишетъ: „... около того же времени отъ жены его (Панова) получилъ письмо, на которое отвѣтилъ тѣмъ, которое напечатано въ „Телескопѣ", но къ ней не послалъ, потому что писалъ его довольно долго, а потомъ знакомство наше прекратилось".

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

о П. Я. Чаадаевѣ

(по Пыпину, Богучарскому и др.).

1836. „Телескопъ", т. 34. № 15, стр. 275—310: „Философическое письмо".

1843. „La Russie en 1839" par le marquis de Custine. 2 ed 4, стр. 370—374.

1843. Paul de Julvecourt, „Le faubourg St-Germain Moscovite. Les Russes à Paris". 2 vol.

1847. Haxthausen, „Studien uber die innere Zustände etc Russlands", Berlin, 1847—52. III стр. 3.

1853. Herzen, Du developpement etc стр. 94—96, и затѣмъ отдѣльныя воспоминанія въ П. Зв., гдѣ перепечатано и „Письмо“ Чаадаева (т. VI, 1861, стр. 141—162).

1854. „Раутъ“, П. Сушкова, М., стр. 294, 5; 365.

1856. „Полярная Звѣзда“. London. кн. 2. П. Сазоновъ. Мѣсто Россіи на всемірной выставкѣ.

1856. „Моск. Вѣдом.“ № 46, 17 апрѣля (извѣщеніе о смерти Чаадаева).

1856. „Современникъ“ № 7, отд. 5, стр. 5 (некрологъ Чаадаева, г. Лонгинова).

1858. „Московскій унив. благор. пансіонъ“, П. Сушкова, стр. 19, также въ Приложеніяхъ, стр. 18, стр. 26—29 (письмо Ч. къ кн. Вяземскому о книгѣ Гоголя "Выбр. мѣста“ и пр. 1847).

1860. Соч. Дениса Давыдова, ч. 3, стр. 142 (письмо Давыдова къ Пушкину о Ч.).

1860. „Русскій Вѣстникъ“, № 5, Соврем. Лѣтоп., стр. 21—25, замѣтка о предыдущемъ, г. Лонгинова.—Тамъ же, № 18. Соврем. Лѣтоп., стр. 153.

1861. „Tendances catholiques dans la société russe“, par le P. J. Gagarin, въ Парижѣ и Наумбургѣ (изъ журн. Correspondent).

1861. „Полн. собр. соч. Хомякова“, 1, стр. 720—721.

1862. „Oeuvres choisies de P. Tchadaieff, publiées pour la premiere fois par le P. Gagarin“. 208 стр.

1862. „Р. Вѣстн.“, № XI, стр. 119—160: Воспом. о П. Я. Ч., г. Лонгинова (въ концѣ 2 франц. письма Ч. къ Шеллингу).

1862. Записки Якушкина, стр. 51, 59—60.

1863. „Р. Архивъ“, стр. 871—873 (извѣстіе о парижск. изданіи).

1865. „Р. Вѣстн.“, VIII, стр. 547.

1866. „Р. Архивъ“ № 7, письмо Ч. къ кн. Вяземскому (то же, что у Сушкова, Моск. Унив. Пансіон.).

1868. „Воспоминанія о Чаадаевѣ“ Д. Свербеева (1856), въ „Р. Архивѣ“, стр. 976—1001.

1868. Эпизодъ изъ жизни Ч. (1820 г.), г. Лонгинова,—тамъ же стр. 1317, 1328.

1870. „Р. Архивъ“ стр. 676—679 (въ ст. Свербеева о Герценѣ), стр. 1579 (въ зап. Якушкина, о М. Чаадаевѣ“.

1870. „Р. Старина“, т. 1, стр. 162—165 (письмо Вигеля къ митр. Серафиму о статьѣ Чаадаева), стр. 291—293 (письмо митр. Серафима къ гр. Бенкендорфу), стр. 606.

1870. „Отеч. Записки“, ноябрь, стр. 30—31 (въ ст. г. Скабичевскаго).

1871. Богдановича, „Нет царств Имп. Александра“, V, 508—512.

1871. „Вѣстникъ Европы“, №№ VII, IX, Жихаревъ, „П. Я. Чаадаевъ; тамъ же № XI, Неизданныя рукописи П. Я. Ч. (стр. 324—344); тамъ же № XII, А. Н. Пыпинъ, „Характеристики литер. мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ г.г.“, III. Проявленія скептицизма.

1875. „Р. Архивъ“, II, 78—79 (письмо о Ч. Волконскаго Васильчикову).

1876. Сочиненія Аполлона Григорьева, т. I. Западничество въ русской литературѣ.

1884. „Р. Вѣсти.", № XI, Щебальскій, „Глава изъ исторіи нашей литературы".

Скабичевскій. „40 лѣтъ русской критики"; онъ же „Очерки по исторіи русской цензуры".

Никитенко. Записки и Дневникъ (т. I, стр. 374—5).

Кошелевъ, Записки. Смирнова, Записки. Кирпичниковъ. „П. Я. Чаадаевъ по новымъ документамъ". 1896 г.

1898. П. Н. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. М.

Богучарскій, Чаадаевъ (слов. Брокгауза и Эфрона).

1900. „Р. Старина", XII. 587—88. (О принадлежн. Ч. къ ложѣ (Amis reunis).

1902. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества.

1903. „Р. Старина", X, 185.

1903. Веселовскій. Этюды и характеристики.

1905. Гершензонъ. „Молодость П. Я. Чаадаева", „Научное Слово", VI кн.

1905. Лемке. „Чаадаевъ и Надеждинъ" Міръ Божій, кн. IX,X,XI.XII.

1905. Гершензонъ „П. Я. Чаадаевъ", „Вопросы жизни", № XI.

1906. П. Бельтовъ. Критика нашихъ критиковъ. „Пессимизмъ П. Я. Чаадаева".

1906. Апологія Сумасшедшаго, пер. съ французскаго подъ ред. В. Н. Ивановскаго.

1906. Гершензонъ. „Чаадаевъ въ 30-хъ и 40-хъ г г." „Вѣст. Европы", кн. IV.

1906. Гершензонъ. „Къ характеристикѣ П. Я. Чаадаева". „Былое", апрѣль.

1906. „Русскія Вѣдомости" 14 апр., Якушкинъ. „П. Я. Чаадаевъ".

2816

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

Книжный магазинъ „ТРУДЪ“.

С.-Петербургъ, Невскій, 60. Москва, Тверская, 38.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

изданія **К. ГРОНКОВСКАГО:**

П. Л. ЛАВРОВЪ. Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Ц. 35 коп.

П. Л. Лавровъ. Механическая теорія міра. Ц. 35 к.

Что такое логика? (по Миллю). Цѣна 60 копѣекъ

Л. Мечниковъ. Эра просвѣщенія Японіи. Ц. 25 к.

П. Б. Фурье и Фурьеризмъ. Цѣна 60 коп.

М. Ферворнъ. Современное міровоззрѣніе и естествознаніе. Цѣна 30 коп.

М. П. Драгомановъ. М. А. Бакунинъ. Критико-біографическій очеркъ. Цѣна 60 коп.

МИЛЬТОНЪ. Ареопагитика. Рѣчь о свободѣ печати, обращенная къ англійскому парламенту (1644). Цѣна 20 коп.

А. Щаповъ. Естествознаніе и народная экономія. Съ портретомъ автора. Ц. 30 к.

П. Чаадаевъ Апологія сумасшедшаго. Съ портретомъ автора. Ц. 20 к.

М. П. Драгомановъ. Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и Польскій вопросъ. Цѣна 40 коп.

ВЪ ПЕЧАТИ:

ЛЕКСИСЪ. Сущность культуры пер. Н. Щербакова. подъ редакціей проф. Соколова.

Письма П. Я. Чаадаева къ А. С. Пушкину, А. И. Тургеневу, кн. П. А. Вяземскому, А. С. Хомякову, Шеллингу и другимъ съ приложеніемъ «Мемуара графу Бенкендорфу», составленнаго Чаадаевымъ для И. В. Кирѣевскаго.

Письма К. Дм. Кавелина и И. С. Тургенева къ Ал. И. Герцену. Съ объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова.

М. П. Драгомановъ. Великорусскій Интернаціоналъ и Польскій вопросъ.

2007057042